

ДЖОН ГРИШЭМ
АДВОКАТ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

The International Bestseller

Джон Гришэм

Адвокат

«АСТ»

1998

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

Гришэм Д.

Адвокат / Д. Гришэм — «АСТ», 1998 — (The International Bestseller)

ISBN 978-5-17-043384-1

Почему блистательный молодой юрист, которому уготовано великолепное будущее, внезапно становится защитником самых беззащитных? Неожиданный приступ альтруизма? Или — просто нормальное желание настоящего адвоката разгадывать и распутывать действительно интересные дела? Дела, от которых порой зависит не только благополучие, но и сама жизнь его клиентов...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-043384-1

© Гришэм Д., 1998
© АСТ, 1998

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джон Гришэм

Адвокат

© John Grisham, 1998

© Перевод. Ю.Г. Кирьяк, 2002

© ООО «Издательство АСТ», 2007

Глава 1

Мужчину в резиновых сапогах, вошедшего вслед за мной в лифт, я заметил не сразу. Присутствие постороннего выдали ударившие в нос тяжелые запахи давно не мытого тела, табачного дыма и дешевого вина. Лифт пошел вверх, и я, окинув взглядом бродягу, невольно обратил внимание на черные замызганные сапоги, которые были ему явно велики. В едва достигавшем колен потертom пальто мужчина казался грузным, почти толстым. Но вовсе не от переедания – в зимнее время бездомные жители округа Колумбия¹ кутаются во что попало. Во всяком случае, так кажется, когда смотришь на них.

Он был чернокожим и уже в возрасте. Спутанная борода и нечесаные, с густой проседью, космы, похоже, годами не знали ни ножниц, ни мыла. Глаза скрывали солнцезащитные очки с толстыми стеклами.

Чужак. Ему нечего делать ни в этом лифте, ни в этом здании – не по средствам. У юристов, работавших в моей фирме, были такие почасовые ставки, что даже после семи лет пребывания здесь они мне казались высокими до неприличия.

Что ж, еще один забредший погреться бедолага. В деловой части Вашингтона подобное случается на каждом шагу. Но все же странно: на входе у нас стоит охрана.

На шестом этаже кабина остановилась, и только тут до меня дошло, что мужчина никакой кнопки не нажимал – он просто последовал за мной в лифт. Торопливо шагнув из лифта и очутившись в роскошном, отделанном мрамором вестибюле юридической фирмы «Дрейк энд Суини», я скосил взгляд на оставшегося в кабине пришельца. Мадам Девье, одна из наиболее исполнительных наших секретарш, приветствовала меня с присущим ей высокомерием.

– Присматривайте за лифтом, – бросил я ей.

– А в чем дело?

– Там бродяга с улицы. Может, стоит вызвать охрану.

– Опять эти типы, – пробормотала она с характерным французским выговором.

– Кабину не мешает продезинфицировать, – добавил я уже на ходу, стаскивая плащ и почти выбросив нежданного посетителя из головы.

Вторая половина дня у меня была расписана по минутам: одно совещание за другим, весьма серьезные переговоры с весьма серьезными людьми. Свернув за угол вестибюля, я только собрался о чем-то спросить мою личную секретаршу Полли, как грянул выстрел. Я оглянулся.

Застыв у своего стола, мадам Девье с висящими на шее наушниками заворуженно смотрела в дуло чудовищно огромного пистолета, который держал бродяга. Поскольку я оказался единственным, кто попытался прийти ей на помощь, бродяга мгновенно перевел ствол на меня, и я тоже замер.

– Не стреляйте. – Я поднял руки. Из множества фильмов мне было досконально известно, что надо делать в таких ситуациях.

– Заткнись, – с редким самообладанием процедил негр.

У меня за спиной, в коридоре, поднялся шум.

– Он вооружен! – крикнул кто-то, и шум начал удаляться: коллеги побежали к запасному выходу. В моем воображении возникла картинка: объятые ужасом люди прыгают из окон.

Слева была массивная деревянная дверь в просторный конференц-зал, за которой в данный момент заседали юристы из отдела исков. Восемь закаленных и бесстрашных крющ-

¹ Федеральный округ, где расположена столица США г. Вашингтон. – *Здесь и далее примеч. пер.*

котворов, в чьи обязанности входило перемалывание человеческих судеб. Самым решительным был малыш Рафтер. Рывком распахнув дверь, он грозно осведомился:

– Какого черта шум?! – И сразу стал огромной мишенью. – Немедленно брось пистолет, – приказал Рафтер, однако пуля, ударившая в потолок над его головой, напомнила ему, что он так же смертен, как и другие.

Вновь направив оружие на меня, бродяга дернул головой, и мне пришлось вслед за Рафтером отступить в конференц-зал.

Последовав за мной, мужчина в резиновых сапогах хлопнул дверью и со значением повел пистолетом. Присутствующие получили блестящую возможность по достоинству оценить длинный, матово отсвечивавший ствол. Оружие, похоже, работало безотказно: резкий запах пороха перебивал ядовитые испарения гостя.

Продолговатый стол для заседаний ломился от бумаг, всего минуту назад казавшихся безумно важными. Из окон была видна забитая машинами автостоянка. Две двери вели в вестибюль.

– К стене! – Для убедительности бродяга качнул пистолетом. Затем, поднеся его почти вплотную к моей голове, добавил: – Двери на замок!

Что мне оставалось делать?

Коллеги молча попятились к стене. Я без разговоров выполнил требование и взглянул на мужчину в ожидании хоть какого-то одобрения.

По непонятной причине меня одолевала мысль о жуткой пальбе в почтовом отделении: выведенный из себя служащий возвращается с обеденного перерыва, увешанный целым арсеналом оружия, – и пятнадцать сослуживцев отправляются на тот свет. А еще я думал о выстрелах на детских площадках и настоящих бойнях в ресторанах быстрого обслуживания. Жертвами там оказывались невинные дети, в крайнем случае добропорядочные граждане. Но мы-то просто юристы!

Со злостью тыча пистолетом, бродяга выстроил восьмерых мужчин у стенки и, более или менее удовлетворенный их покорностью, повернулся ко мне. Что он хочет? О чем попросит? Сейчас ему легко будет выторговать все, что угодно. Солнцезащитные очки скрывали его глаза, зато он прекрасно мог видеть мои, вернее, отраженное в них черное жерло своего пистолета.

Негр снял потертое пальто, аккуратно, будто новое, свернул его и положил на середину стола. В нос мне опять ударила вонь, но это уже не имело никакого значения. Террорист медленно освобождался от следующего слоя тряпья – просторного серого жилета. Просторного не без умысла. Грудь и живот негра опоясывал ряд красных картонных трубок, напомнивших моему неискушенному взгляду динамитные шашки. Трубки соединялись между собой разноцветными проводками, похожими на спагетти, и держались на теле с помощью липкой ленты.

Мне захотелось рухнуть на пол и поползти к двери в надежде, что выстрел окажется неточным и я смогу повернуть ручку замка. Может быть, он промахнется и вторично, позволив мне выбраться в вестибюль? Но трясущиеся колени и застывшая в жилах кровь лишили меня способности двигаться. От шеренги у стены послышались приглушенные стоны.

– Будьте любезны, сохраняйте спокойствие, – тоном терпеливого наставника произнес бродяга.

Его миролюбие внушало тревогу. Поправив на груди проводки, террорист извлек из кармана широченных брюк желтый моток прочной нейлоновой веревки и отвертку. С достоинством повел пистолетом в сторону искаженных от страха лиц.

– Я никому не хочу причинять вреда.

Услышать это было весьма приятно, однако искренность говорившего вызвала сомнения. Я насчитал двенадцать красных трубок – по моему убеждению, более чем достаточно для того, чтобы смерть оказалась мгновенной и безболезненной.

Ствол вернулся ко мне.

– Эй, ты, – раздельно произнес его обладатель, – свяжи их.

Рафтер не выдержал и сделал маленький шаг вперед:

– Послушай, приятель, чего ты добиваешься?

В потолок ударила третья пуля и, никого не задев, ушла в стену. Оглушительный грохот вынудил находившуюся в вестибюле мадам Девье – звук явно исходил от женщины – пронзительно вскрикнуть. Рафтер присел, будто вознамерился нырнуть в воду. Амстед могучей рукой поставил его в строй.

– Заткнись, – тихо посоветовал он сквозь зубы.

– Не стоит звать меня приятелем, – сказал бродяга, и опасное слово моментально выскочило из моего лексикона.

– Как вы хотите, чтобы к вам обращались? – поинтересовался я, осознавая, что поневоле превращаюсь в лидера нашей группки заложников. Голос мой выражал максимум деликатности и почтительности. Бродяга, похоже, оценил это.

– Мистер.

Обезличенно-вежливое «мистер» устроило всех.

Зазвонил телефон. На мгновение показалось, что террорист выстрелит в аппарат. Вместо этого он движением руки приказал подвинуть телефон поближе, что я и сделал. Лево́й рукой негр поднес трубку к уху, правой продолжал сжимать направленный в Рафтера пистолет.

Если бы наша судьба решалась голосованием, то большинством восемь к одному бедняга Рафтер оказался бы первым ягненком, принесенным в жертву.

– Алло? – Мистер выслушал собеседника, положил трубку на рычаг и, медленно попятившись, опустился в кресло у края стола. – Возьми веревку, – скомандовал мне. – Свяжи их.

Отрезав от веревки восемь кусков, я принялся за работу, по мере сил избегая взглядов товарищей, чувствуя затылком направленный в меня пистолет. Оставшийся кусок веревки пошел на то, чтобы соединить всех вместе. Узлы Мистер потребовал затянуть как можно туго, так что мне пришлось постараться на совесть.

Подойдя к Рафтеру, я услышал, как он что-то бормочет. Мне захотелось отшлепать его, как ребенка. Амстеду удалось так напрячь мышцы, что, когда я закончил, веревка едва не упала с его рук. Мокрый от пота Маламуд прерывисто и часто дышал. Самый старший из нас и перенесший два года назад инфаркт, он был компаньоном фирмы.

Не посмотреть в глаза Барри Нуццо я не мог. Другого такого друга у меня не было. Как и мне, ему исполнилось тридцать два года, и работать сюда мы пришли одновременно: он из Принстонского, я из Йельского университета. И он и я жен нашли в Провиденсе. Его брак оказался плодотворным – трое ребятишек за четыре года. Моя семейная жизнь вступила в последнюю стадию невыносимо медленного распада.

Наши взгляды встретились. Мы оба подумали о его детях. Впервые я обрадовался, что у меня их нет.

На улице взвыла полицейская сирена, и Мистер приказал опустить жалюзи на всех пяти широких окнах. Я выполнял команду на редкость тщательно, рыская взглядом по парковочной площадке и мечтая, что кто-нибудь снизу заметит меня и придет на помощь. У входа стояла одна-единственная полицейская машина с включенными мигалками – похоже, копы уже поднимались к нам.

В конференц-зал, где в компании чернокожего Мистера маялись девять белых мужчин.

На фирму «Дрейк энд Суини» работало восемьсот юристов, причем половина из них располагалась в том самом здании, которое в данный момент фактически оккупировал Мистер. Негр велел мне связаться с боссом и сообщить ему, что он, Мистер, вооружен пистолетом и, сверх того, имеет двенадцать шашек динамита. Я позвонил Рудольфу, компаньону фирмы, управляющему антитрестовским отделом², где я работал.

– Ты в порядке, Майк? – грянул голос из выносного динамика.

– Вполне. Будь добр, сделай так, как он хочет.

– А что он хочет?

– Не знаю.

Движением пистолета Мистер распорядился прервать разговор.

Я стоял у стола в двух шагах от Мистера и не сводил с него глаз. Террорист с действовавшей мне на нервы рассеянностью играл переплетенными на груди разноцветными проводками. Вот он легонько коснулся красного.

– Стоит его дернуть, и все будет кончено, – блеснув очками, поведаль Мистер.

Нужно было отвлечь его от проводка.

– Зачем вам это? – спросил я, рассчитывая на диалог.

– Не то чтобы я очень хотел взорвать вас, но почему бы и нет?

Меня поразила его манера говорить – ясная, членораздельная речь, продумано и взвешено каждое слово. Передо мной сидел уличный бродяга, но, похоже, в его жизни были деньки и получше.

– Зачем вам убивать нас? – спросил я.

– Не собираюсь вступать в дискуссию, – последовал ответ.

Это называется «Вопросов больше не имею, ваша честь».

Будучи человеком, жизнь которого целиком подчинена циферблату, я посмотрел на часы: в случае чудесного спасения нужно будет запротокोलировать теракт с точностью до мгновения. Часы показывали двадцать минут второго. Поскольку Мистер дал понять, что не любит суеты, следующая четверть часа прошла в тягостном молчании.

Я никак не мог поверить, что мы обречены на смерть. Ведь у него нет ни малейшего повода убивать нас. Со всей определенностью можно утверждать, что до нынешнего дня ни один из моих коллег Мистера и в глаза не видывал. Мне вспомнился лифт – бродяга не знал, на каком этаже ему выйти. Уличный сумасшедший в поисках заложников. К сожалению, по нынешним временам почти норма.

Именно таким абсолютно бессмысленным убийствам отводятся первые полосы газет. Читатели сокрушенно покачают головами: до чего дошло наше общество! А затем по городу разползутся анекдоты про дохлых юристов.

Я уже видел броские газетные заголовки, слышал тараторящих телерепортеров, однако не мог поверить, что так оно и будет.

В вестибюле раздались голоса, прорезалось неясное кваканье полицейской рации. Снова взвыла сирена.

– Что ты ел на обед? – обратился ко мне Мистер.

Слишком удивленный для того, чтобы врать, я поколебался и ответил:

– Цыпленка-гриль с салатом.

– В одиночку?

– Нет, с приятелем. – Я и вправду встретил сокурсника.

– И сколько вам пришлось выложить?

– Тридцать долларов.

Мистеру это не понравилось.

² Подразделение, контролирующее соблюдение антитрестовского законодательства.

– Тридцать долларов, – повторил он с осуждением. – На двоих.

Во мне вспыхнула надежда, что коллеги, обратись Мистер к ним с аналогичным вопросом, окажутся менее искренними. Среди стоящих у стены было несколько талантливых едоков, им тридцатки не хватило бы и на закуску.

– А знаешь, чем пообедал я?

– Нет.

– Супом. Тарелкой супа с гренками. В приюте. Даром. И считаю, мне повезло. А на тридцать долларов можно накормить сотню моих друзей, верно?

Я удрученно кивнул, будто внезапно осознал тяжесть совершенного греха.

– Попрошу собрать у присутствующих деньги, часы и драгоценности, – сказал Мистер, в который раз поведя пистолетом.

– Разрешите спросить – зачем?

– Нет.

Я положил на стол портмоне, выгреб из карманов мелочь и обчистил товарищей по несчастью.

– Это отдадут родственникам, – пообещал Мистер, и мы дружно охнули.

После того как я сложил собранное в черный кейс, бродяга велел позвонить боссу. Рудольф быстро снял трубку. Я был уверен, командир группы СУОТ³ уже сидит в его кабине.

– Рудольф, это опять Майк.

– Как вы там?

– Отлично. Джентльмен хочет, чтобы я открыл дверь и выставил в вестибюль кейс. Затем я захлопну дверь и закрою ее на ключ. Понятно?

– Да.

Ощущая затылком приставленный пистолет, я осторожно распахнул дверь и поставил кейс на пороге. В вестибюле никого не было.

На свете мало существует вещей, способных оторвать юриста крупной фирмы от оформления почасовых счетов за свои услуги – от наслаждения, которое мы называем подбивкой. К таким вещам относится сон, хотя большинство моих братьев по профессии спят мало. А вот еда очень стимулирует процесс подбивки, особенно когда обедаешь с клиентом и платит он.

Минуты тянулись как резина; я поймал себя на мысли, что не представляю, каким образом четыре сотни находящихся в офисе юристов умудряются подбивать счета в то время, когда их коллеги взяты в заложники человеком, буквально наспигованным взрывчаткой. Впрочем, сидят они в здании, жди! Небось в машинах с включенными двигателями по телефонам раскручивают клиентов. Нет, фирма своего не упустит.

Кое-кого из наших крючкотворов абсолютно не интересует, чем все это закончится. Главное, чтобы побыстрее.

Мистер вроде задремал. Голова свесилась на грудь, дыхание отяжелело. Рафтер скорчил гримасу и кивнул мне, подзывая. Проблема заключалась в том, что правой рукой Мистер по-прежнему сжимал оружие, а левой поистине мертвой хваткой держал тонкий красный проводок.

Рафтер, видите ли, ждал от меня героизма. Но, даже считаясь наиболее суровым и опытным специалистом по судебным тяжбам, совладельцем фирмы он пока не стал. Да и работали мы с ним в разных отделах. Наконец, здесь не армия. С какой радости мне ему подчиняться?

³ Группа особого назначения для борьбы с террористами (Special Weapons and Tactics Unit).

– Сколько ты заработал в прошлом году? – внезапно прозвучал четкий и совершенно бодрый голос Мистера.

Вопрос застал меня врасплох.

– Я... м-м... дайте сообразить...

– Не врать.

– Сто двадцать тысяч.

Ответ пришелся ему не по душе.

– А сколько из них ты отдал?

– Отдал?

– Да. На благотворительность.

– Ну, я не помню. Деньгами распоряжается жена.

По шеренге заложников пробежало волнение.

Разочарованный Мистер продолжил поиски истины:

– Кто заполняет твои декларации?

– Вы имеете в виду для налогового управления?

– Вот-вот.

– Этим занимается отдел налогов на втором этаже.

– Здесь?

– Да.

– В таком случае пусть принесут документы на каждого из вас.

Я взглянул на коллег. Выражение лиц некоторых свидетельствовало о том, что эти люди предпочтут скорее получить пулю в лоб, чем представить декларации о доходах. Похоже, я колебался слишком долго. Мистер заорал:

– Немедленно! – Восклицательный знак он поставил, дернув пистолетом.

Рудольф, которому я передал требование террориста, тоже замялся, и мне, в свою очередь, пришлось накричать на него.

– Перешли их по факсу, – подсказал я. – Только за прошлый год.

В течение пятнадцати минут мы со страхом смотрели на стоявший в углу факс: если бухгалтеры не поторопятся, терпение у Мистера окончательно иссякнет.

Глава 2

Чувствуя себя надсмотрщиком за рабами, я сидел на отведенном мне Мистером стуле рядом с факсом и складывал в стопку вылезающие из аппарата листы. Мои связанные приятели, проводившие более двух часов на ногах, почти застыли. От усталости многие начали покачиваться, и вообще вид у них был самый жалкий.

Однако их ждали более жестокие мучения.

– Ты будешь первым, – бросил мне Мистер. – Как тебя зовут?

– Майкл Брок, – вежливо представился я и подумал: «Очень рад нашему знакомству».

– Сколько ты заработал в прошлом году?

– Я говорил вам. Сто двадцать тысяч до уплаты налогов.

– А сколько отдал?

Я был уверен, что смогу обвести его вокруг пальца. В налогах я разбирался слабо, но понимал, что должен проявить гибкость. Оттягивая время, я листал свои бумаги. В качестве хирурга-практиканта Клер заработала тридцать одну тысячу долларов, так что наш совокупный доход выглядел довольно внушительно. Однако пятьдесят три тысячи мы вернули государству в виде налогов: федерального подоходного и удивительного количества прочих. А после погашения студенческих ссуд на обучение Клер в университете, ежемесячной платы в две тысячи четыреста долларов за уютную квартиру в Джорджтауне, выплат за машину, купленную под обязательный залог, и других расходов, обеспечивших нам достойное существование, мы положили в банк всего двадцать четыре тысячи.

Мистер терпеливо ждал. Его спокойствие раздражало. Я предполагал, что ребята из СУОТ уже лезут по вентиляционным шахтам, карабкаются по близстоящим деревьям, занимают позиции на крышах соседних домов и рассматривают сквозь оптические прицелы наши окна в стремлении разmozжить Мистеру голову – словом, заняты тем, что мы так часто видим в выпусках теленовостей. Мистеру, похоже, было на все наплевать. Он смирился с судьбой и был готов умереть. В отличие от нас.

Посиживая в кресле, он крутил в пальцах красный проводок, отчего мой пульс явно переваливал за сотню ударов в минуту.

– Я пожертвовал тысячу долларов Йельскому университету. И пару тысяч местному отделению «Юнайтед уэй»⁴.

– Сколько ты раздал бедным?

У меня были сомнения относительно того, что университет потратил мои деньги на продовольственную помощь нуждающимся студентам.

– Но ведь «Юнайтед уэй» распределяет средства по всему городу, так что какие-то суммы наверняка перепали и бедным.

– Сколько ты раздал голодным?

– Я заплатил пятьдесят три тысячи налогов, из которых немалая доля предназначена для социальной и медицинской помощи неимущим, иждивенцам и прочим.

– И ты сделал это по доброй воле?

– Во всяком случае, я ни на что не жалею. – При подобных обстоятельствах так солгал бы любой из моих соотечественников.

– Ты когда-нибудь был голодным?

Ему больше нравились простые ответы, мое остроумие наверняка осталось бы не оцененным.

– Нет, не был.

⁴ Благотворительная общественная организация.

– И тебе не приходилось спать на снегу?

– Нет.

– Ты, зарабатывающий кучу денег, настолько жаден, что не положишь в мою протянутую руку ни монетки. – Мистер указал пистолетом на стоящих у стены мужчин: – Таковы вы все. На улице вы проходите мимо меня. Вы тратите больше денег на пижонский кофе, чем я – на еду. Почему вы не помогаете тем, кто голоден, болен, у кого нет крыши над головой? Ведь вам-то всего хватает.

Вместе с ним я возмущенно обозрел понурившихся подонков. Печальное зрелище! Лишь Рафтер упрямо смотрел в стол, размышляя о том, о чем думает каждый из нас, завидя на тротуаре одного из друзей Мистера: стоит только дать тебе денег, как ты, во-первых, ринешься в ближайший магазин за бутылкой, во-вторых, пристанешь с новыми домогательствами и, в-третьих, никогда в жизни не прекратишь попрошайничать.

В наступившей тишине послышался нарастающий рокот полицейского вертолета. Можно было только догадываться, что происходило на стоянке под нашими окнами. В соответствии с полученными от Мистера инструкциями я отключил входящие звонки, так что сообщений извне ждать не приходилось. Он не испытывал никакого желания вступать с кем бы то ни было в переговоры, полностью удовлетворяясь нашей аудиторией.

– Кто из этих парней зарабатывает больше всех?

Как я говорил, Маламуд был компаньоном фирмы. Пришлось покопаться в стопке, чтобы найти его декларацию.

– Видимо, это я, – раздался голос.

– Имя?

– Нат Маламуд.

Я пробежал глазами колонки цифр. Не часто выпадает случай ознакомиться со столь интимной информацией, но сейчас это не доставило мне удовольствия.

– Сколько?

О, хитроумные коды налогового управления! Что вас интересует, сэр? Общий доход? Или с вычетом необлагаемой суммы? Чистый? Подлежащий налогообложению? Доход от должностного оклада? Доходы от бизнеса и ценных бумаг?

Фирма платила Маламуду пятьдесят тысяч в месяц, а ежегодная премия, о которой мы могли только мечтать, составляла более полмиллиона. Прошедший год был для него весьма удачным. При этом Маламуд являлся лишь одним из многих компаньонов фирмы, зарабатывавших ежегодно больше миллиона в год.

Я решил не драматизировать ситуацию. Ведь в бумагах были указаны и другие источники: доходы от сданной в аренду собственности, дивиденды, деньги от малого бизнеса. Вряд ли Мистер без посторонней помощи разберется в цифрах.

– Миллион сто тысяч долларов, – возвестил я, оставив двести тысяч затерянными в графах таблиц.

На то, чтобы осмыслить названную сумму, Мистеру потребовалось некоторое время.

– Ты сделал миллион, – обратился он к Маламуду, ничуть не устыдившемуся богатства.

– Да.

– Сколько денег ты отдал голодным и бездомным?

Я лихорадочно искал данные о суммах пожертвований, которые не облагались налогами.

– Не могу вспомнить точно. Мы с женой не экономим на благотворительности. По моему, взнос в пять тысяч был передан в окружной фонд. Уверен, вы знаете, они там раздают деньги нуждающимся. Мы жертвуем немало, и мы счастливы делать это.

– Еще бы не счастливы! – Впервые в голосе Мистера прозвучала насмешливая нотка.

Он вовсе не желал знать, насколько мы щедры в действительности. Ему требовались лишь голые цифры. Мистер велел мне написать на листе наши фамилии и указать рядом с каждой доход за прошлый год и сумму пожертвований на благотворительность.

Я не мог решить, стоит ли торопиться или лучше выполнить приказ не спеша. Что, если соотношение между двумя цифрами его не устроит? Похоже, разумнее не пороть горячку. Ведь и так абсолютно ясно: мы, богатеи, заколачивая кучу денег, отдаем бедным жалкие крохи. Кроме того, я понимал: чем дольше длится наше пленение, тем больше у полиции времени на подготовку к освобождению, тем искуснее она его проведет.

Мистер не угрожал, что каждый час будет убивать по заложнику. Он не требовал выпустить из тюрьмы своих дружков. Ему вообще ничего не было нужно.

Я мешкал. Маламуд возглавил список, а в самом конце его оказался пришедший в фирму три года назад Колберн с какими-то восьмьюдесятью шестью тысячами. Неприятно удивил тот факт, что мой приятель Барри Нуццо заработал на одиннадцать тысяч больше, чем я. Это мы с ним еще обсудим.

– Округленно общий доход составляет три миллиона долларов, – доложил я Мистеру, который, сжимая красный проводок, опять вроде задремал.

Он медленно покачал головой:

– А бедным?

– Пожертвований роздано на сто восемьдесят тысяч.

– Плевать я хотел на пожертвования. Не ставь меня и людей, живущих на улицах, в один ряд с теми, кто шляется по концертным залам и синагогам, по клубам, где белые баловни судьбы устраивают аукционы изысканных вин или автографов знаменитостей, бросая пару долларов в кружку бойскаута. Я говорю о еде. Еде для голодных, что живут в одном городе с вами. Еде для младенцев, которые, пока вы делаете миллионы, кричат по ночам от голода. Как насчет просто еды?

Он смотрел на меня. Я смотрел на аккуратную стопку бумаг. Врать было нельзя.

– В городе есть сеть общественных кухонь, – продолжал Мистер, – там бедняки и бездомные могут подкрепиться. Сколько денежек твои приятели передали этим кухням? Хоть один из вас?

– Передали, но не напрямую, – начал я. – Некоторые благотворительные организации...

– Заткнись! – Он поднял пистолет. – А приюты, где мы спим, когда на улице мороз? Сколько ночлежек числится в твоих бумагах?

– Ни одной. – Находчивость мне изменила.

С пугающей стремительностью Мистер вскочил на ноги, опрокинув кресло.

– А больницы? У нас есть больнички, куда приходят доктора, честные добрые люди, тоже привыкшие к хорошим заработкам, и жертвуют своим временем, чтобы облегчить страдания неимущих. Денег за это они не берут. Раньше правительство помогало платить арендную плату, подкидывало медикаменты и оборудование. Но теперь чиновники про нас забыли. Сколько вы отдали больницам?

Рафтер взглянул на меня так, будто я должен был найти выход. К примеру, покопаться в бумагах и с внезапным удивлением вскричать: «Черт возьми, гляньте-ка! Оказывается, кухням и больницам мы передали полмиллиона долларов!»

На моем месте он бы так и сделал. Однако на моем месте был я, и мне вовсе не хотелось получить пулю в лоб. Мистер далеко не такой идиот, каким кажется.

Он подошел к окну.

– Копов-то понагнали. – Сказано было негромко, но слышно. – Машин «скорой» тоже хватает.

Самого его происходящее на стоянке не волновало. Обойдя стол, Мистер приблизился к шеренге. В гипнотическом сосредоточении заложники ловили каждое его движение. Он медленно поднес пистолет к носу Колберна:

– Сколько денег ты отдал больницам?

– Нисколько. – Колберн, прикрыв глаза, готов был расплакаться.

У меня перехватило дыхание.

– А общественным кухням?

– Нисколько.

– Приютам?

– Нисколько.

Вместо того чтобы выстрелить, Мистер перевел оружие на Нуццо. Вновь прозвучали три вопроса. Получив от Барри такие же ответы, он шагнул к его соседу. Все повторилось. Следующий. Следующий. Следующий. К нашему разочарованию, Рафтер тоже остался в живых.

– Три миллиона долларов, – с отвращением бросил Мистер, – и ни цента больным или голодающим. Какие же вы ничтожества!

Я понял, что он никого не собирается убивать.

Где уличный бродяга может раздобыть динамит? Кто научит его им пользоваться?

В сумерках Мистер сказал, что хочет есть, и распорядился сообщить боссу, чтобы тот послал за супом в методистскую церковь на Семнадцатой улице. Там, объяснил он, кладут больше овощей, отчего навар гуще. Да и хлеб не такой черствый, как на других кухнях.

– Общественные кухни работают на вынос? – изумился Рудольф из динамика.

– Делай что тебя просят, Рудольф! – рявкнул я. – И пусть принесут на десятирех!

Мистер велел мне положить трубку.

Я представил, как в сопровождении группы полисменов наши люди мчатся в час пик через весь город к крошечной столовой при церкви, где склонившиеся над тарелками бездомные в негодовании пытаются понять, что происходит. «Десять порций на вынос, и побольше хлеба!»

Мистер направился к окну; застрекотал вертолет. Мистер слегка раздвинул планки жалюзи, посмотрел вниз, сделал шаг назад и подергал себя за бороду. Ситуация требовала осмысления. Зачем потребовался вертолет? Раненых эвакуировать?

Амстед, более часа беспрестанно переминавшийся с ноги на ногу, наконец не выдержал:

– М-м... сэр, извините, но мне действительно необходимо выйти в... комнату для мальчиков.

– Комната для мальчиков? – Мистер продолжал пощипывать бороду. – Это еще что такое?

– Мне хочется писать, сэр. – Амстед был похож на третьеклассника. – Я больше не могу терпеть.

Оглянувшись, Мистер обнаружил невинно стоящую на кофейном столике фарфоровую вазу. Взмахом пистолета он приказал мне развязать Амстеда.

– Вот тебе комната для мальчиков.

Амстед выкинул свежие цветы. Пока он, повернувшись к нам спиной, довольно долго стоял над вазой, его коллеги внимательно изучали пол. Дождавшись окончания процедуры, Мистер приказал передвинуть стол вплотную к окну. Как и почти вся мебель в здании, шестиметровый стол был сделан из добротного ореха, и, отвоевывая сантиметр за сантиметром, мы преодолели расстояние, отделявшее его от окна. После этого Мистер велел мне

связать Маламуда и Рафтера, оставив Амстеда на свободе. Я так и не смог понять, что заставило его принять такое решение.

Семерых заложников, которых по-прежнему соединяла веревка, он усадил на стол лицом к окну. Никто не посмел спросить, для чего, однако я сообразил: ему нужен был живой щит от снайперов. Позже стало известно, что на крыше соседнего здания и в самом деле находились люди, вооруженные винтовками с оптическими прицелами. Похоже, Мистер засек их.

Отстоявшим пять часов Рафтеру и остальным данный приказ принес вождеденное облегчение. Амстеду и мне было велено усестся в кресла, а сам Мистер расположился во главе стола.

Жизнь на улице приучает человека к терпению. Долгое неподвижное сидение в полной тишине ничуть не тяготило Мистера.

– Выселители среди вас есть? – негромко спросил он и, не дождавшись ответа, повторил вопрос.

Сбитые с толку, мы переглянулись. Мистер невозмутимо исследовал причудливый рисунок на ореховой столешнице.

– Вы не только плюете на бездомных, вы помогаете тем, кто лишает людей крова над головой.

Мои коллеги дружно закивали, выражая полное согласие. Если ему хочется облить нас грязью, ради Бога, мы выслушаем все мыслимые и немыслимые оскорбления.

За несколько минут до семи нам принесли ужин. Раздался громкий стук в дверь. Мистер распорядился предупредить по телефону полицию, что если он хоть кого-нибудь увидит или услышит, один из заложников будет убит. Я исчерпывающим образом объяснил Рудольфу ситуацию, подчеркнув абсолютную неприемлемость любой попытки освободить нас. Идут переговоры, сказал я.

Рудольф ответил, что все понял.

Подойдя к двери, Амстед повернул ручку замка и в ожидании инструкций взглянул на Мистера. Тот направил на него пистолет и приблизился почти вплотную:

– Давай как можно медленнее.

Я стоял в метре от них. Дверь раскрылась. Еду привезли на небольшой тележке, используемой вспомогательным персоналом для перемещения увесистых кип бумаги, которую мы изводили в неимоверном количестве. Четыре больших пластиковых судка с супом и пакет из коричневой бумаги с нарезанным хлебом. Не знаю, было ли там что-нибудь из напитков. Выяснить это нам так и не пришлось.

Амстед шагнул в вестибюль, ухватился за ручку тележки, и тут тишину разорвал грохот выстрела. За стеллажом, стоявшим сбоку от стола мадам Девье, прятался снайпер. Когда Амстед чуть нагнулся к тележке, голова Мистера на долю секунды осталась ничем не прикрытой. Этого мгновения стрелку оказалось достаточно.

В лицо мне брызнули теплые сгустки. Мистер пошатнулся и без звука упал на спину. Решив, что пуля задела и меня, я заорал. Связанные заложники вопя соскочили со стола и неуклюже ринулись к двери. Я стоял на коленях, закрыв глаза, со страхом ожидая взрыва. В следующий момент я вскочил и рванул на себя ручку второй двери, чтобы спастись из грядущего ада. Последнее, что я увидел, было распростертое на дорогом восточном ковре тело Мистера. Он лежал, раскинув руки, так и не успев дернуть за красный проводок.

Вестибюль мгновенно заполнился парнями из СУОТ в касках и бронежилетах. Глаза мне застлал туман.

– Вы ранены? – спросил меня кто-то.

Я не знал.

Лицо и рубашка были в крови и липкой субстанции, которую врач позже назвал спинномозговой жидкостью.

Глава 3

На первом этаже, подальше от Мистера, толпились родственники и друзья. Десятки сотрудников, сходявших в кабинетах с ума от переживаний, встретили нас радостными возгласами.

Всего в крови, меня сразу провели в небольшой спортивный зал, где юристы фирмы фактически не показывались: мы были слишком заняты, чтобы транжирить время на заботу о собственных телесах. Любителя поразмяться завтра же почти наверняка завалили бы дополнительной работой.

Среди обступивших меня врачей я, слава Богу, не увидел Клер. Убедившись, что кровь не моя, врачи умилили пыл и ограничились общим осмотром. Давление, естественно, подскочило, пульс был бешеным. Мне дали какую-то пилюлю.

На самом деле мы нуждались в душе. Вместо этого меня распластали на столе и десять минут с пристрастием следили за давлением.

– У меня шок?

– Будем надеяться, нет.

Но чувствовал я себя совершенно разбитым. Где Клер? Шесть часов я провел под дулом пистолета, жизнь моя висела на волоске, а жена так и не соизволила прийти сюда вместе с родственниками других заложников.

Наконец я попал под душ. С наслаждением я трижды тщательно промыл шампунем голову, потом долго стоял под секущими обжигающе-горячими струями. Время замерло. К черту! Я жив, я дышу, тело исходит паром.

В чужом махровом халате, чистом, но слишком просторном для меня, я вернулся к столу, где врачи еще раз проверили мое давление. Вихрем ворвалась Полли и бросилась мне на грудь. Видит Бог, я в этом нуждался. В глазах у нее блестели слезы.

– Где Клер? – спросил я.

– На вызове. Я ей звонила каждую минуту.

Полли было известно, как мало осталось от нашего брака.

– С тобой все в порядке?

– Думаю, да.

Поблагодарив врачей, я вышел из зала. В коридоре меня встретил Рудольф, неловко обнял и пробормотал: «Поздравляю», – словно я и впрямь добился большого успеха.

– Никто не ждет, что ты завтра появишься на работе, – сказал он так, будто выходной день мог решить все мои проблемы.

– Об этом я еще не думал.

– Тебе нужно прийти в себя.

Мне хотелось поговорить с Барри Нуццо, но его уже не было. Кроме меня, из заложников никто не пострадал, если не считать растертых веревками запястий.

Кровопролитие свелось к минимуму, полиция торжествовала.

Переполюх в «Дрейк энд Суини» улегся довольно быстро, правда, значительная часть сотрудников еще оставалась на первом этаже, в стороне от Мистера и его динамитных шашек. Поверх халата я накинул принесенное Полли пальто. Вид в кроссовках был у меня довольно дикий, но кому какое дело!

– На улице ждут газетчики, – сообщила Полли.

О да, пресса! Ведь сенсация. Не банальная расправа с сослуживцами, а захват целой группы почтенных юристов повредившимся в рассудке бродягой.

Однако интервью срывалось: бывшие жертвы потихоньку разошлись, террорист получил пулю в лоб, динамит никому больше не угрожал. Господи, а могла бы выйти такая исто-

рия! Стрельба, взрыв, звон битого стекла, на тротуаре ошметки человеческих тел. Прямой репортаж в программе девятого канала сегодня затмил бы все остальные новости дня.

– Я отвезу тебя домой, – предложила Полли. – Пошли.

Приятно было подчиниться ее заботе. В голове у меня беспорядочно кружились обрывки мыслей, соединить которые не хватало сил.

Через запасный выход мы покинули здание. До боли в легких я вдыхал холодный ночной воздух и не мог надыхаться. Пока Полли бежала к своей машине, я прятался в темноте, наблюдая за продолжавшимся на стоянке спектаклем: вокруг полицейских автомобилей, машин «скорой помощи», фургонов телевизионщиков сустились люди. Пригнали даже пожарную машину. Одна «скорая» подъехала ко входу задом, наверное, для того, чтобы отвезти тело Мистера в морг.

Жив! Жив! Это слово вертелось у меня на языке. Я чувствовал, что улыбаюсь. Жив!

Крепко смежив веки, я принес Господу краткую, но искреннюю благодарность за избавление от террориста.

Полли вела машину, ожидая, когда я заговорю. Из глубин подсознания начали выплывать звуки. Резкий щелчок затвора снайперской винтовки. Затем – когда перекрестие прицела нашло цель – выстрел. Беспорядочный топот ног бросившихся к двери заложников.

Что, собственно, я видел? Помню стол, на котором сидели, опустив глаза долу, семеро моих коллег, помню, как Мистер направил пистолет в голову Амстеда. Когда снайпер нажал на курок, я стоял у Мистера за спиной. Что помешало пуле, пронзив его, продолжить полет и поразить меня? Ведь стены и двери пуля пробивает насквозь.

– Он не хотел убивать нас, – едва слышно произнес я.

– В таком случае зачем он пришел? – с чувством облегчения от того, что я наконец заговорил, спросила Полли.

– Не знаю.

– Чего он хотел?

– Он так и не сказал. Поразительно, но он вообще почти не говорил. Час за часом мы просто сидели и смотрели друг на друга.

– Почему он не стал разговаривать с полицией?

– Кто знает! Это было самой большой его ошибкой. Не отключи он телефоны, я смог бы убедить полицию, что он не собирается убивать нас.

– Но ты же не винишь их в его гибели?

– Не виню. Напомни потом, чтобы я написал им письма.

– Ты выйдешь завтра?

– А что делать!

– Я подумала, тебе потребуется хоть один свободный денек.

– Мне потребуется год. Деньком здесь не обойдешься.

Мы с Клер жили на третьем этаже многоквартирного дома на Пи-стрит в Джорджтауне. Полли остановила машину у бровки. Поблагодарив ее, я выбрался с переднего сиденья. Темные окна свидетельствовали, что Клер еще не вернулась.

С Клер я познакомился через неделю после того, как приехал в Вашингтон, сразу по окончании университета. Меня ждала отличная работа в преуспевающей фирме, блестящее будущее – такое же, как у пятидесяти моих однокурсников. Клер тогда писала диплом по политическим наукам в университете. Одно время ее дед был губернатором штата Род-Айленд, у семьи на протяжении нескольких поколений складывались хорошие связи.

Как и во многих других крупных фирмах, в «Дрейк энд Суини» к новичку в течение первого года относились скорее как к новобранцу. Шесть дней в неделю я просиживал за

столом по пятнадцать часов в день, и с Клер мы виделись только по воскресеньям. Вечером я возвращался в офис. Нам казалось, что, поженившись, мы сможем больше времени уделять друг другу. Во всяком случае, хотя бы спать будем вместе. Спали мы действительно в одной постели, однако это было почти все, что мы делали сообща.

Пышное бракосочетание, коротенький медовый месяц. Едва первые восторги улеглись, я вновь стал девятию часами в неделю проводить за рабочим столом. В течение трех месяцев супружеской жизни восемнадцать дней прошли впустую, без всякого секса. Клер вела счет.

Год она держалась молодцом, но потом устала от недостатка моего внимания. Я сочувствовал ей. Но в фирме не было принято, чтобы молодые сотрудники начинали карьеру с жалоб. В среднем из выпускников юридического факультета компаньонами фирмы становятся процентов десять, конкуренция среди коллег беспощадна. Еще бы, ведь счастливица ждет награда – по меньшей мере миллион долларов в год. Подбивка счетов гораздо важнее, чем семейная жизнь, так что разводы в нашей среде давно стали обычным явлением. У меня и мысли не мелькало обратиться к Рудольфу с просьбой хоть как-то уменьшить нагрузку.

Второй год оказался еще менее романтичным. Пошли ссоры. Клер окончила учебу, получила отвратительную должность в министерстве торговли и постепенно превратилась в глубоко несчастного человека. Я не мог не заметить этого.

Я проработал в фирме четыре года, когда ко мне начали поступать завуалированные предложения о компаньонстве. Мои молодые сослуживцы ловили подобные намеки и анализировали их. По общему мнению, я уверенно шел лидером гонки. Но для успеха необходимо было приложить больше усилий.

Клер поступила в медицинскую школу. Ей надоело сидеть дома перед экраном телевизора, и она решила, по моему примеру, заняться карьерой. Я приветствовал идею, снимавшую с меня значительную долю вины перед Клер.

Довольно скоро выяснилось, что Клер проводит дома меньше времени, чем я. Мы оба превращались в бездумных трудолюбов. Перестав ссориться, мы попросту медленно дрейфовали в разные стороны. У нее были свои друзья и интересы, у меня – свои. К счастью, нам удалось избежать повторения себя в потомстве.

Мне было жаль, что все складывается таким образом. Мы же когда-то любили друг друга, и мы же позволили нашей любви уйти.

В темной квартире впервые за эти годы я почувствовал, насколько мне не хватает Клер. После того как помотришь в глаза смерти, тянет выговориться. И хочется, чтобы кто-то погладил тебя по плечу, сказал, что ему без тебя плохо, – хочется быть нужным.

Я зажег свет, плеснул в стакан водки, бросил лед и уселся на диван. Задымил сигаретой. Мысленно переключился на те шесть часов, что провел в обществе Мистера.

Ее шаги на лестнице я услышал после второй порции водки.

– Майкл, – донеслось с порога.

Я молча выпустил дым. Клер прошла в комнату и, увидев меня, замерла.

– С тобой все нормально? – В голосе прозвучала непритворная тревога.

– Да, – негромко ответил я.

Оставив сумочку и пальто на полу, Клер сделала шаг и склонилась надо мной.

– Где ты была?

– В госпитале.

– Ну разумеется. – Я отхлебнул из стакана. – А у меня денек выдался тяжелым.

– Знаю, Майкл.

– Правда?

– Знаю.

– Тогда где ты была?

– В госпитале.

– Шесть часов меня и еще восемь человек держал на мушке психопат. Их близкие примчались тотчас, потому что их это взволновало. Нам повезло, нас освободили, и что? Домой меня привезла секретарша!

– Я не могла подъехать.

– Ну разумеется! Как я не догадался?

Клер опустилась в стоявшее напротив меня кресло.

Мы сидели и смотрели друг другу в глаза.

– Нам запретили покидать госпиталь, – ледяным тоном отчеканила она. – Сообщили о ситуации с заложниками, сказали, что могут быть раненые. Это общепринятая практика: они предупреждают врачей, и те ждут.

Подыскивая слова для достойного ответа, я еще раз приложился к стакану.

– У тебя в офисе я все равно оказалась бы бесполезной. Я дежурила в госпитале.

– Ты звонила?

– Пыталась. Но телефоны у вас были отключены. Дозвонилась до полиции, и там мне подробно объяснили, что происходит.

– Все закончилось два часа назад. Где ты находилась все это время?

– В прозекторской. Хирурги не смогли спасти мальчика, попавшего под машину.

– Прости.

Я никогда не мог понять, как врачам удастся сохранять самообладание, ежедневно имея дело с людскими муками и смертью. Мистер был вторым мертвецом, которого мне довелось увидеть.

– И ты меня.

Она отправилась на кухню и через минуту вернулась со стаканом вина. Некоторое время мы сидели молча. От общения оба давно отвыкли, так что оно давалось с трудом.

– Хочешь поговорить? – спросила она.

– Нет. Не сейчас.

Мне и вправду не хотелось. После пилюли и спиртного дыхание у меня стало прерывистым и частым. Я вдруг вспомнил, как спокойно и безмятежно держался опоясанный динамитными шашками Мистер даже тогда, когда размахивал пистолетом. Вот уж кого молчание нисколько не тяготило.

Молчание – единственное, что мне сейчас требовалось.

Говорить я буду завтра.

Глава 4

Я проспал до четырех утра. Очнулся от мерзкой вони. Так пахли мозги Мистера, брызнувшие на меня дождем. В полной темноте я не сразу понял, где нахожусь, и чуть не сошел с ума, протирая глаза и прочищая нос. Сбоку кто-то заворочался – Клер, оказывается, спала рядом в кресле.

– Успокойся, – мягко сказала она, коснувшись моего плеча. – Тебе приснился дурной сон.

– Принеси, пожалуйста, воды.

Я рассказал Клер все, что был в состоянии вспомнить. Она одной рукой ласково поглаживала мне колено, в другой держала стакан с водой и внимательно слушала, вставляя замечания. На протяжении последних лет не часто нам приходилось столь доверительно беседовать.

Клер нужно было к семи в госпиталь. Приготовленный вместе завтрак – жареный бекон с хрустящими вафлями – мы съели, сидя у кухонной стойки перед телевизором. Шестичасовой выпуск новостей начался с сообщения о взятии заложников. В кадрах мелькали окна моего офиса, собравшаяся у входа толпа. Вертолет, чей рокот мы слышали в конференц-зале, принадлежал телекомпании. Оператору удалось крупным планом снять Мистера, когда тот на несколько секунд раздвинул створки жалюзи, чтобы глянуть вниз.

Выяснилось, что Мистера звали Девон Харди, ему стукнуло сорок пять лет, он был ветераном вьетнамской войны и не в первый раз нарушал закон. На экране появился фотоснимок из полицейского архива, сделанный сразу после ареста Харди за кражу со взломом. Мне показалось, что Мистер и показанный мужчина – абсолютно разные люди: у того, что на фотографии, не было ни бороды, ни очков, и на вид он выглядел моложе. Из досье следовало, что Харди – бездомный, давно подсевший на дурь. Что его подтолкнуло к наркотикам, неизвестно. Родственников, если они у него были, конечно, судьба Харди не интересовала.

Никаких комментариев от нашей фирмы не поступило, происшествие по-прежнему представлялось загадкой.

Последовавший за репортажем метеопрогноз обещал сильный снегопад во второй половине дня. Для середины февраля (сегодня двенадцатое) в этом не было ничего странного.

Клер довезла меня до офиса, и я ничуть не удивился, обнаружив без четверти семь утра свой оставленный на стоянке «лексус» среди прочих машин. Парковка никогда не пустовала – кое-кто из наших даже ночи проводил в кабинете.

Я обещал жене позвонить около полудня, может быть, удастся вместе пообедать на территории госпиталя. Клер порекомендовала мне расслабиться и ничего не принимать близко к сердцу.

Интересно, чем мне заняться? Писать на диване, глотая таблетки? Мы сошлись на том, что выходной мне не помешает, а уж потом можно будет вернуться в привычный ритм будней.

Поприветствовав двух весьма настороженных охранников в вестибюле, я прошел к лифтам. Три кабины из четырех были свободны, я выбрал ту, в которой вчера поднялся на этаж вместе с Мистером. Время замедлило бег. Пространство заполнил рой вопросительных знаков. Почему он решил зайти именно к нам? Где находился до этого? Куда смотрели охранники, обычно стоящие перед дверями? Что заставило его остановить выбор на мне? За день через вестибюль проходят сотни юристов. Почему ему приглянулся шестой этаж?

Вообще, что он хотел? Трудно поверить, будто Девон Харди сознательно поставил на карту собственную жизнь или опоясал себя взрывчаткой с единственной целью поиздеваться

над скупостью состоятельных юристов. Наверняка можно было найти людей и побогаче нас. Даже более жадных.

Его вопрос о «выселителях» так и остался без ответа. Но вряд ли надолго.

Лифт остановился, я вышел – на сей раз за мной никто не следовал. Мадам Девье еще спала: этаж был погружен в тишину. Я задержался у ее стола, вглядываясь в двери конференц-зала. Медленно распахнул ближайшую – ту, у которой стоял Амстед, когда пролетевшая мимо него пуля разнесла голову Мистера. Наконец глубоко вдохнул и включил верхний свет.

В зале как будто ничего не произошло. Длинный стол для заседаний стоял на обычном месте, вокруг аккуратно были расставлены кресла. Дорогой ковер, на котором нашел свою смерть Мистер, поменяли на более роскошный. Стены заново покрасили. Исчезла дырка в потолке от просвистевшей над головой Рафтера пули.

Руководство фирмы не пожалело денег, чтобы в спешном порядке ликвидировать малейшие следы вчерашнего на редкость неприятного инцидента. Мало ли кому вздумается заглянуть сюда в течение дня! Теперь глазеть абсолютно не на что. Самому любопытному служащему с избытком хватит минуты-другой для того, чтобы убедиться в этом. В наших чертогах нет и не может быть даже намек на беспорядок и панику.

Все признаки разыгравшейся трагедии были хладнокровно уничтожены. Как ни печально, пришлось признать, что это разумно. Ведь и сам я принадлежал к белым богатым. Тогда чего ждал? Мемориальной доски? Букетов роз от уличных приятелей Мистера?

Не знаю, чего я ждал. Но от запаха свежей краски меня замутило.

Каждое утро на одном и том же месте рабочего стола я находил «Уолл-стрит джорнэл» и «Вашингтон пост». Одно время я даже помнил имя человека, приносившего мне газеты, но потом оно вылетело из памяти. На первой странице «Вашингтон пост», в разделе городских новостей, посреди пространной заметки о вчерашней истории был помещен знакомый портрет Харди.

Я пробежал заметку глазами. По идее, детали события были известны мне лучше, нежели самому пронырливому репортеру. Однако в заметке обнаружилось кое-что новое. Красные трубочки оказались вовсе не динамитными шашками. Мистер купил пару рождественских свечей, разрезал на части и опутал безобидной проволокой. Грозный вид бутафории вогнал нас в неопишуемый ужас. Автоматический пистолет сорок четвертого калибра Мистер украл. Поскольку это была «Вашингтон пост», в статейке больше говорилось о Харди, чем о его жертвах, хотя, собственно, ни один сотрудник «Дрейк энд Суини», к моему большому удовлетворению, с журналистами не обмолвился и словом.

Зато некий Мордехай Грин, директор адвокатской конторы на Четырнадцатой улице, сообщил, что Харди долгое время работал сторожем в Национальном древесном питомнике и потерял должность в результате сокращения бюджетных ассигнований. Отсидев несколько месяцев за кражу со взломом, он очутился на улице. Стал пить, пристрастился к наркотикам, неоднократно задерживался полицией за мелкое воровство в магазинах. Конторе Грина приходилось брать на себя защиту его интересов. Если у Харди и была семья, то адвокаты о ней ничего не знали.

Относительно мотивов происшедшего у Грина имелась одна версия. Не так давно Девон Харди был в принудительном порядке выселен со старого склада, где жил.

Принудительное выселение является законной процедурой, осуществляемой юристами. У меня было совершенно четкое представление, какое именно учреждение из сотен разбросанных по городу выбросило Мистера на улицу.

По словам Грина, адвокатская контора на Четырнадцатой улице существовала на деньги благотворительных фондов и занималась только бродягами. «В те годы, когда мы

пользовались поддержкой федерального бюджета, в конторе работали восемь профессионалов. Теперь их осталось двое», – сказал он.

Не мудрено, что «Уолл-стрит джорнэл» попросту умолчала об этом. Если бы убитым или слегка раненным оказался кто-то из юридической фирмы, пятой в стране по количеству сотрудников, – о, такой сенсации газета отвела бы всю первую полосу.

Слава Богу, до этого не дошло.

Сидя за столом, я разбирал документы. Работы было по горло.

А ведь сейчас я мог бы лежать в морге рядышком с Мистером.

За несколько минут до восьми появилась Полли и с радостной улыбкой поставила на стол тарелку с домашним печеньем. Ее ничуть не удивил мой приход.

На работу вышли все вчерашние заложники, причем большинство даже на час-другой раньше, чем положено. Остаться дома, чтобы понежиться в сочувственных объятиях супруги, было непозволительной слабостью.

– Артур на проводе, – сообщила Полли.

По коридорам расхаживало не менее десятка Артуров, но лишь одного все знали и без фамилии. Старший компаньон фирмы Артур Джейкобс был ее душой и мозгом, главной движущей силой, он пользовался нашим безграничным уважением. Им восхищались. За семь лет работы мне посчастливилось трижды разговаривать с ним.

На вопрос о самочувствии я доложил: «Превосходное». Слушая похвалы моему мужеству и благородству, я и вправду начал ощущать себя героем. Интересно, откуда ему все известно? Наверное, успел пообщаться с Маламудом и решил спуститься по иерархической лестнице, снизойти до меня. Да, теперь неизбежно пойдут разговоры, а за ними и анекдоты. История про Амстеда и фарфоровую вазу войдет в анналы.

Артур поведал, что в десять часов хочет встретиться со всеми бывшими заложниками в конференц-зале, дабы записать их впечатления на видеопленку.

– Зачем? – поинтересовался я.

– Парни из отдела исков считают это необходимой предосторожностью, – с четкой, несмотря на восемьдесят лет, дикцией объяснил Артур. – Бродяга или, точнее, его семья может подать на полицию в суд.

– Вполне.

– Тогда нам придется быть ответчиками. Ты ведь знаешь, люди судятся и не по такому поводу.

«И слава Богу», – чуть было не сорвалось у меня с губ. Чем бы мы в противном случае зарабатывали на жизнь?

Я поблагодарил за теплые слова. Мой четвертый разговор с ним завершился. Артур, похоже, хотел обзвонить остальных.

Паломничество началось до девяти часов. За дверью кабинета, кажется, скопилась очередь доброжелателей и сплетников. И тех и других объединяло страстное желание выпытать какую-нибудь подробность. Я был завален работой, но не имел ни малейшей возможности приступить к ней. В краткие мгновения, когда посетители отсутствовали, я с отчаянием смотрел на пухлые, набитые документами папки.

Из головы у меня не шел Харди с красными трубочками и разноцветными проводками. Сколько времени он потратил на составление плана, на изготовление этих игрушек? Украл пистолет, отыскал нашу фирму, проник в нее, совершил ошибку, стоившую ему жизни, – и никому из тех, с кем я работал, ни единому человеку не было до этого никакого дела.

У меня лопнуло терпение. Любопытные валили валом; приходилось вступать в разговоры с людьми, которых я терпеть не мог. Позвонили двое писак. Я сказал Полли, что отойду ненадолго, и она напомнила о назначенной на десять встрече с Артуром.

Я забрался в машину, включил двигатель, печку и принялся размышлять, стоит ли идти в конференц-зал. Не пойти – значит обидеть Артура. От встречи с ним у нас никто не отказывался.

Я тронул машину с места. Редко представляется возможность совершить глупость. В конце концов, мне нанесена тяжелая душевная травма. Ну, был вынужден удалиться. Артуру и всем остальным придется это проглотить.

Выруливая в сторону Джорджтауна, я не имел определенной цели. По тротуарам под низким серым небом сновали люди; кое-где появились снегоуборщики. На перекрестке с Эм-стрит стоял нищий. Был ли он знаком с Харди? Где, интересно, пережидают снежную бурю бездомные?

Позвонив в госпиталь, я выяснил, что Клер в ближайшие несколько часов не сможет выйти из операционной. Романтический обед в кафетерии отпал.

Я повернул на северо-восток, миновал Логан-сёркл и двинулся по довольно мрачному району к Четырнадцатой улице. Остановившись у здания адвокатской конторы, выбрался из машины, уверенный, что «лексус» больше не увижу.

Контора занимала половину трехэтажного особняка из красного кирпича; он был выстроен в викторианском стиле и явно знал лучшие времена. Окна верхнего этажа были забиты старой фанерой. В соседнем доме размещалась дешевая прачечная-автомат. Дальше тянулись трущобы.

Вход в здание прикрывал от непогоды ярко-желтый навес. На мгновение я задержался, не зная, стоит ли стучать в незапертую дверь. Повернув ручку, я ступил в иной мир.

Помещение можно было назвать офисом, но оно значительно отличалось от нашего, отделанного полированным мрамором и красным деревом. В большой комнате стояло четыре металлических стола, на которых устрашающе громоздились кипы папок в полметра высотой. Еще большее количество папок лежало вокруг столов на истертом ковре. Корзины для мусора были забиты доверху, пол усеян скомканной бумагой. Одну стену полностью скрывали разноцветные шкафы для хранения документов. Телефонам и паре электронных пишущих машинок на вид было не менее десяти лет. Деревянные стеллажи покоробились от старости. На стене против входа косо висела огромная выцветшая фотография Мартина Лютера Кинга. Несколько распахнутых дверей вели в каморки поменьше.

Тем не менее пыльная рабочая комната очаровывала.

Свирепая испанка оторвалась от машинки и скосила на меня глаза:

– Ищете кого-нибудь?

Фраза прозвучала как вызов. За подобное приветствие «Дрейк энд Суини» моментально выставила бы секретаршу за порог.

Табличка на боковой стенке у ее стола говорила, что я имею дело с Софией Мендоса. Похоже, мне предстояло узнать, что она куда более важная фигура, чем какая-то секретарша. Раздался громкий рев. Я вздрогнул. София и ухом не повела.

– Мне нужен Мордехай Грин, – вежливо объяснил я, и сразу, словно вдогонку за собственным ревом, из каморки вышел тот, кого я искал. Поступь его, казалось, сотрясала здание. Громоподобным голосом он призывал невидимого Абрахама.

Послав меня движением головы к боссу, София застучала по клавишам.

Грин, негр ростом чуть ниже двух метров, мог похвастаться мощным сложением и горой мышц. Лет пятидесяти с небольшим, седая борода, круглые очки в красной оправе. Смерив меня взглядом, он не проронил ни слова, но через секунду зычно повторил свой призыв и по прогибавшимся доскам пола скрылся в каморке, чтобы немедленно явиться вновь.

– Чем могу быть полезен? – Стекла очков блеснули.

Подойдя поближе, я представился.

- Очень рад, – произнес Грин ритуальную фразу. – Что вас интересует?
- Девон Харди.

Внимательно глянув на меня, Грин перевел очки на сосредоточенно печатавшую Софию и кивнул в сторону. Вслед за ним я вошел в комнатку без единого окна размером четыре на четыре метра, заполненную все теми же папками и растрепанными юридическими справочниками.

Я протянул Грину визитку с вытисненным золотом названием фирмы. Нахмутив брови, Грин придирчиво изучил ее.

- Решили погулять по трущобам? – спросил он, возвращая карточку.
- Не совсем.
- Так что вы хотите?
- Я пришел с миром. Пуля, убившая мистера Харди, едва не попала в меня.
- Вы были рядом с ним?
- Да.

Хмурое лицо Грина смягчилось.

– Садитесь. – Он указал на единственный в комнатке стул. – Только не запачкайтесь пылью.

Сам Грин устроился на столе, в который уперлись мои колени. За спиной хозяина кабинета тихо пощелкивал электрический радиатор, однако проку от него было мало. Пришлось засунуть руки поглубже в карманы пальто, чтобы не замерзнуть. Взгляды наши встретились, и мы одновременно отвели глаза. Как гость, я чувствовал себя обязанным что-то сказать, но Грин заговорил первым:

– Тяжелый у вас выдался денек, верно? – Его низкий голос звучал тише, нежели прежде, в нем слышалось чуть ли не сочувствие.

– Для Харди он сложился куда хуже. Ваше имя встретилось мне в газете, поэтому я и пришел.

– Не уверен, что понял цель вашего визита.

– Как вы считаете, его семья выдвинет против нас судебный иск? Если да, то мне, наверное, лучше уйти.

– Никакой семьи не существует, об иске можете забыть. Правда, я мог бы поднять кой-какой шум. Полагаю, пристреливший его коп – белый, так что не составит особого труда вытрясти из городских властей горстку монет за... скажем, нарушение покоя граждан. Однако я предпочитаю развлекаться по-другому. – Грин рукой обвел помещенице: – Видит Бог, мне забот хватает.

– Полицейского я не видел. – Только сейчас я осознал, что именно так оно и было.

– Я сказал, забудьте об иске. Это все, с чем вы пришли?

– Я пока и сам не знаю, для чего пришел. Утром явился на работу, будто вчера ничего не случилось, но так и не смог сосредоточиться на делах. Решил развеяться за рулем. И почему-то приехал сюда.

Грин медленно покачал головой, пытаясь постичь услышанное.

– Кофе хотите?

– Нет, благодарю. Думаю, вы неплохо знали мистера Харди.

– Да уж! Девон был моим постоянным клиентом.

– Где он сейчас?

– Наверное, в городском морге при центральном окружном госпитале.

– Поскольку родственников нет, кто позаботится о теле?

– Невостребованных мертвецов хоронят за счет города. В отчетности это называется «похороны неимущего». Для таких есть специальное кладбище неподалеку от стадиона

Роберта Кеннеди. Вы здорово удивитесь, если узнаете, сколько народу закапывают там ежедневно...

– Не сомневаюсь.

– ...как удивитесь любой стороне жизни бездомного.

Это было мягким, но выпадом, впрочем, я не испытывал ни малейшего желания вступать в бессмысленную пикировку.

– А СПИДа у него, случаем, не было?

Грин несколько мгновений пристально поизучал потолок.

– А в чем дело?

– Я стоял позади Харди. Пуля снесла ему половину черепа. У меня все лицо было в его крови и мозгах, только и всего.

Эта фраза автоматически перевела меня из ранга негодяя в разряд среднего белого человека.

– Не думаю, чтобы Харди болел СПИДом.

– А интересно, у трупов берут кровь на анализ?

– У бездомных?

– Ну да.

– В большинстве случаев берут. Но ведь Девон не просто умер.

– Не могли бы вы выяснить?

Грин пожал плечами.

– Конечно, – неохотно выдавил он и вытащил из кармана ручку. – Так вот почему вы приехали. Бойтесь, что подцепили СПИД?

– И поэтому тоже. А вы бы не испугались?

– Еще как!

В каморку вошел Абрахам, крошечный человечек лет сорока. Темная еврейская бородка, роговые очки, обвислый пиджак, мятые брюки, грязные туфли. И притом мина, будто он Божий посланник, которому поручено спасти человечество.

На меня он не обратил ни малейшего внимания. Грин, похоже, и не ждал от него особых церемоний.

– Обещают жуткий снегопад, – сообщил он Абрахаму. – Необходимо проследить, чтобы все наши приюты были открыты.

– Этим я как раз и занят, – огрызнулся Абрахам и вышел.

– Понимаю, вам не до меня, – сказал я.

– Так вы только по поводу анализа крови?

– Думаю, да. А вы не знаете, почему он решился на такое?

Грин снял очки, протер их салфеткой, положил на стол и принялся тереть глаза.

– У него было не все в порядке с головой, как и у большинства этих людей. Когда годами живешь на улице, пьешь, балуешься наркотиками, когда спишь на мостовой, а тебя пинает ногами то полиция, то шпана, начинаешь потихоньку сходить с ума. Кроме того, ему хотелось отомстить.

– За выселение?

– Именно. Несколько месяцев назад Харди перебрался в заброшенный склад на углу Нью-Йорк-стрит и Флорида-авеню. Кто-то понастроил внутри фанерных перегородок, получились небольшие квартиры. Не самое плохое место для бездомного: крыша над головой, водопровод, туалет. И всего за сто долларов в месяц, платить нужно было бывшему сутенеру, выдававшему себя за хозяина.

– Он действительно был хозяином?

– Наверное. – Из стопки на столе Грин выдернул тоненькую папку, оказавшуюся, к моему удивлению, именно той, что была необходима. Быстро нашел нужную страницу. –

Тут начинаются сложности. Месяц назад здание перешло в собственность компании «Ривер оукс», это крупные торговцы недвижимостью.

– И они выселили жильцов?

– Угу.

– По странному совпадению, интересы «Ривер оукс» представляет наша фирма.

– Хорошенькое совпадение!

– А в чем сложности?

– Я слышал, людей выселили без всякого предупреждения. Жильцы заявляли, что исправно платили сутенеру, а если так, то они являлись квартиросъемщиками, а никак не наглыми захватчиками чужой собственности. Выходит, выселить их могли только в законном порядке.

– А в случае самовольного захвата предупреждения не требуется?

– Абсолютно. Подобное происходит на каждом шагу. Бродяги занимают пустующий дом, и, как правило, этим все кончается. Они считают себя хозяевами. Но истинный владелец при желании может послать их к черту в любое время без всякого предупреждения. Ведь прав-то у них нет.

– А каким образом Харди удалось выйти на нашу фирму?

– Кто его знает! Дураком-то он точно не был. Чокнутый, но не дурак.

– С сутенером вы знакомы?

– Знаком. На редкость ненадежная личность.

– Что со складом?

– Снесли на прошлой неделе.

Мы оба посмотрели на часы. Я посчитал, что отнял у Грина уже достаточно времени. После обмена телефонами мы договорились держать друг друга в курсе событий.

Мордехай Грин оказался отзывчивым и добрым человеком, из числа тех немногих, кто искренне пытается помочь бесчисленному количеству бедолаг. Его способ служения закону требовал таких душевных сил, которые мне и не снились.

Идя к выходу, я проигнорировал Софию точно так же, как и она меня. Чудеса: «лексус», покрытый слоем снега в два сантиметра, по-прежнему стоял напротив дома.

Глава 5

Машина медленно катила по улицам; шел снег. Не помню, когда я последний раз мог вот так не спеша ехать куда глаза глядят без боязни опоздать на очередное совещание. В роскошно отделанном салоне было уютно, тепло и сухо; подхваченный общим потоком автомобилей, «лексус» полз вперед. Куда?

Офис подождет, равно как и разгневанный Артур в нем. Чего ради издеваться над собой, отвечая на неизбежное «Как вы себя чувствуете?» сотому дураку, желающему посмотреть на героя дня?

Заверещал телефон. Я снял трубку. Судя по голосу, Полли была близка к панике.

– Ты где?

– А кого это интересует?

– Многих. В первую очередь Артура. Потом Рудольфа. Еще репортера. Клиенты, которым срочно требуется твой совет, тебя ищут. Из госпиталя звонила Клер.

– Ей что?

– Она беспокоится за тебя. Как, собственно, и все мы.

– Я в полном порядке, Полли. Скажи всем, что я у врача.

– Ты вправду у врача?

– Нет, но ведь мог бы. Что сказал Артур?

– Вместо него звонил Рудольф. Они ждут тебя.

– Ничего, пусть подождут.

Пауза.

– Хорошо, – протянула Полли. – Когда же ты объявишься?

– Не знаю. Наверное, когда врач отпустит. А тебе не пора домой? В городе настоящая снежная буря. Позвоню завтра. Пока. – Я положил трубку.

Я редко видел собственную квартиру при свете дня, да и мысль посидеть у огня, глядя на хоровод снежинок за окном, была слишком соблазнительной. Если отправиться в бар, то, боюсь, не смогу из него выйти.

Спешить было некуда. Мимо меня проплывали автобусы, курсировавшие до пригородов, расположенных в соседних штатах – Мэриленде и Виргинии. Поток транспорта плавно нес меня по полупустым улицам к центру. Я миновал кладбище, где хоронят бродяг, оставил позади методистскую церковь на Семнадцатой улице, откуда в конференц-зал доставили так и не съеденный ужин. Вокруг лежали кварталы, о существовании которых я и не подозревал; вряд ли мне придется когда-нибудь оказаться тут вновь.

К четырем часам пополудни город казался вымершим. Небо темнело, метель усиливалась. На земле лежал снег толщиной сантиметров в двенадцать, а метеослужба обещала и того больше.

Но даже разыгравшаяся стихия была не в силах остановить деятельность юридической фирмы «Дрейк энд Суини». Снежная буря давала восхитительную возможность передохнуть от нескончаемых заседаний и совещаний по телефону, доводящих скукой до иступления.

Охранник у входа сообщил, что секретарш и почти всех штатных сотрудников распустили по домам еще в три часа. Пройдя в лифтовый холл, я вошел в злополучную кабину.

Рабочий стол украшала аккуратная дорожка, выложенная розовыми листочками телефонограмм. Не обнаружив в них ничего достойного внимания, я уселся за компьютер и из недр его памяти извлек список нашей клиентуры.

«Ривер оукс» была создана в 1977 году и зарегистрирована в штате Делавэр корпорацией, чья штаб-квартира находилась в Хейгерстоне, штат Мэриленд. Поскольку компания принадлежала частному лицу, финансовая информация о ней почти отсутствовала. Ее генеральным юрисконсультом являлся некто Н. Брэйден Ченс.

Имя мне ни о чем не говорило.

Пришлось поискать юрисконсульта в обширном банке данных фирмы. Мистер Ченс оказался компаньоном и возглавлял отдел, занимавшийся сделками с недвижимостью. Сорок четыре года, женат, образование получил в юридической школе при Университете Дьюка, практику проходил в Геттисберге. Впечатляет, но ничего выходящего за рамки.

Имея в штате восемьсот весьма агрессивно настроенных и поднаторевших в ежедневных тяжбах юристов, «Дрейк энд Суини» насчитывала более тридцати шести тысяч действующих компьютерных файлов. Дабы исключить вероятность того, что наше нью-йоркское отделение вчинит иск нашему же клиенту из Чикаго, каждый новый файл немедленно вносился в банк данных. Кто угодно, секретарша или даже ассистент – компьютер стоял на столе у каждого, – имел прямой доступ ко всем файлам. Если какой-нибудь новичок, принятый на испытательный срок, скажем, в Палм-Бич, управлял собственностью богатого клиента, то при желании я мог нажатием нескольких клавиш выяснить, насколько эффективно и профессионально он справляется со своими обязанностями.

На «Ривер оукс» было сорок два файла, в основном с информацией о приобретаемой недвижимости. В каждом файле были сделки, оформленные непосредственно Ченсом. Четыре прошли с процедурой выселения, причем три из них имели место в прошлом году. Первый этап изысканий дался мне без особого труда.

Тридцать первого января «Ривер оукс» приобрела в собственность земельный участок на Флорида-авеню. Продавцом значилась некая корпорация ТАГ. Четвертого февраля наш клиент выселил самовольно захвативших расположенное на участке здание склада людей, в числе которых, стало быть, находился мистер Девон Харди. Аксию он воспринял как личное оскорбление и умудрился навести справки о помогавших его обидчикам юристах.

Геттисбергский колледж – частное учебное заведение, готовящее юристов в одноименном городе, штат Пенсильвания. Известен гуманитарными факультетами.

Записав имя и номер файла, я отправился на четвертый этаж.

Ни один из тех, кто решил связать жизнь с солидной юридической фирмой, не мечтает о сделках с недвижимостью как о венце своей карьеры, ибо существуют иные, куда более привлекательные сферы деятельности с весьма многообещающими перспективами. На самом верху иерархической лестницы во все времена находились судебные иски, и адвокаты вечно были у Создателя в особой милости, во всяком случае, работавшие в «Дрейк энд Суини». Среди других излюбленных направлений, требующих особого профессионализма, числилось обслуживание интересов промышленных и банковских объединений, оформление сделок по продаже и приобретению компаний. Благосклонным вниманием коллег пользовались операции с ценными бумагами. В качестве одной из наиболее престижных рассматривалась и моя область – антитрестовское законодательство. Налоговый кодекс своей запутанностью вызывал священный трепет, и его знатоки по праву являлись в своем кругу объектами почтительного восхищения. Связи с правительством (лоббирование), наоборот, вызывали чуть ли не отвращение, однако услуги здесь оплачивались по таким тарифам, что многие столичные юридические конторы имели целые когорты профессионалов, занимающихся смазкой неповоротливых бюрократических колес.

Никто не стремился стать признанным авторитетом по сделкам с недвижимостью. Не знаю почему. Бесспорно, в этой сфере работали высококлассные специалисты, однако они держались несколько особняком, и коллеги смотрели на них чуть свысока.

Рабочие папки каждый сотрудник «Дрейк энд Суини» хранил под замком, оставляя для всеобщего обозрения дела только бывших клиентов. Заставить его показать текущую документацию коллеге мог разве что приказ старшего компаньона либо члена исполнительного комитета.

Дело о выселении, с которым я хотел ознакомиться, проходило как текущее и наверняка после эпизода с Мистером стало более конфиденциальным, нежели было ранее.

Ассистент просматривал ксерокопии, я спросил, где офис Брэйдена Ченса. Молодой человек кивком указал на распахнутую дверь в противоположном конце просторного холла.

К моему удивлению, Ченс оказался на месте. Он восседал за столом с видом чрезвычайно занятого человека. Естественно, мое вторжение не доставило ему удовольствия. Гораздо вежливее было бы договориться о встрече по телефону. Но протокольная казуистика в данный момент меня не волновала.

Он даже не предложил мне сесть, и то, что я все же опустился на стул, не улучшило его настроения.

– Вы были в числе заложников, – сообщил мне Ченс, с трудом вспомнив мое лицо.

– Да, был.

– Ужасное испытание.

– Прошло, и ладно. Этот парень с пистолетом, покойный мистер Харди, четвертого февраля был выселен из своей клетушки на складе. Процедура выселения готовилась нашими юристами?

– Так точно, – резко ответил Ченс. Судя по агрессивному тону, этот вопрос сегодня уже затрагивался. Похоже, Ченс успел детально обсудить его вместе с Артуром и другими господами из высшего руководства. – И что с этого?

– То есть Харди пошел на самовольный захват?

– Да, черт побери! Все они там захватчики. Наш клиент хотел только восстановить порядок.

– Вы уверены, что это был именно самовольный захват?

У него задрожала щека и налились кровью глаза.

– Чего вы добиваетесь?

– Нельзя ли мне ознакомиться с делом?

– Нет. К вам оно не имеет ни малейшего отношения.

– А если вы ошибаетесь?

– Кто возглавляет ваш отдел? – Он изготавился записать имя человека, который поставит меня на место.

– Рудольф Майерс.

Ручка забежала по бумаге.

– Я очень занят. Будьте любезны, оставьте меня в покое.

– Почему мне нельзя посмотреть папку?

– Потому что это моя папка, и я говорю – нет. Достаточно?

– Маловато.

– Придется удовольствоваться тем, что есть. Вон! – Ченс встал и дрожащей рукой указал на дверь. Улыбнувшись, я вышел.

Ассистент в холле слышал каждое слово. Мы обменялись озадаченными взглядами.

– Ну и дерьмо, – одними губами сказал он.

Я вновь улыбнулся и согласно кивнул. Дерьмо и глупец. Будь Ченс поумнее и пообходительнее, он бы объяснил, что Артур или иной небожитель приказал изъять дело из свободного доступа, – такой ответ не дал бы мне повода к подозрениям. Теперь стало ясно: что-то тут нечисто.

Похоже, добраться до дела будет трудновато.

С тремя сотовыми телефонами – один у меня в кармане, другой в сумочке у Клер, третий в машине – да двумя пейджерами проблемы связи для нас вроде не существовало. Однако в нашей семье все было не как у людей. Переговорить мы смогли только около девяти. Минувший день напрочь лишил ее сил. Само собой, работа Клер была несравнимо изнурительнее той, которую выполняю я. В эти бирюльки мы оба играли с откровенным бесстыдством: моя работа важнее, потому что я врач (юрист).

Но мне надоело играть. Было совершенно ясно, что потрясение, которое я пережил после того, как побывал в непосредственной близости от смерти, принесло Клер чувство удовлетворения. Когда я сбежал из офиса, она откровенно обрадовалась. Уж ее-то день прошел куда более продуктивно, чем мой.

Решив стать светилом нейрохирургии, Клер с завидным упорством добивалась поставленной цели. Она верила, что лучшие хирурги-мужчины, расписываясь в бессилии помочь больному, будут являться к ней на поклон. Талантливая ученица, одержимая честолюбием и обладающая удивительным запасом жизненных сил, Клер, безусловно, когда-нибудь оставит коллег-мужчин далеко позади, точно так же как сейчас она обгоняет меня – закаленного бегуна по коридорам «Дрейк энд Суини». Я пока не сошел с дистанции, но усталость давала себя знать.

Клер ездила на капризной спортивной машине модели «миэту», и в плохую погоду я беспокоился за жену. Освободится она примерно через час, решил я, а мне ровно столько и потребуется, чтобы добраться до госпиталя. Заеду за ней, попробуем отыскать приличное заведение, где можно поужинать. В случае чего возьмем на вынос в китайском ресторанчике, как делали раньше.

Я начал наводить порядок на столе, стараясь не смотреть на аккуратную стопку из десяти папок по самым важным текущим делам. Я никогда не забывал о подбивке и занимался ею ежедневно. В десятку клиентов включались наиболее состоятельные независимо от того, насколько срочными или запутанными были их проблемы. Метод я перенял у Рудольфа.

Считалось, что за год моя подбивка покрывает две тысячи пятьсот часов: по пятьдесят в течение пятидесяти недель. Со средней ставкой триста долларов в час я приносил своей любимой фирме семьсот пятьдесят тысяч годовых, из которых мне платили сто двадцать плюс еще тридцать тысяч в качестве премий. Двести тысяч уходили на издержки и накладные расходы. Оставшаяся сумма поступала в полное распоряжение компаньонов фирмы и раз в год распределялась между ними согласно некоей чудовищно сложной формуле, причем ее выведение обычно сопровождалась такими спорами, что участники вместо языка готовы были пустить в ход кулаки.

Случаи, когда компаньон получал за год менее миллиона, были редкостью, кое-кто умудрялся заколачивать и больше двух. Компаньоном становились пожизненно. Если я к тридцати пяти годам поднимусь на эту высшую ступень иерархической лестницы, а судя по всему, к тому идет, то смогу получать в течение лет тридцати стабильный и ласкающий самолюбие доход, открывающий путь к настоящему богатству.

Вот о чем мечтал каждый из нас, просиживая за рабочим столом бессчетное количество часов днем и ночью.

Я забавлялся на бумаге вожаденной цифирью, что, подозреваю, было привычкой любого юриста в нашей фирме, когда раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал Мордехая Грина.

– Мистер Брок? – вежливо спросил он. Даже на фоне помех голос звучал отчетливо.

– Да. Зовите меня просто Майкл.

– Хорошо. Так вот, я навел справки. Можете ни о чем не беспокоиться. Анализ крови дал отрицательный результат.

– Благодарю вас.

– Чепуха. Просто подумал, что вам будет приятно узнать раньше.

– Еще раз спасибо. – Шум в трубке усилился. – Откуда вы звоните?

– Из приюта для бездомных. Снегопад гонит сюда народ с такой скоростью, что персонал не успевает накормить всех. Пришлось засучить рукава. Простите, бегу.

Стол старого красного дерева, персидский ковер на полу, кресла, обтянутые кожей благородного малинового цвета, самоновейший компьютер и прочие электронные чудеса – работать в таком кабинете было одно наслаждение. Но пожалуй, впервые за все время пребывания в фирме я задумался о цене роскоши. Не сводится ли наша работа к обыкновенной погоне за деньгами? Не для того ли мы выкладываемся, чтобы отхватить антикварную вещь или купить более дорогой ковер?

Сидя в уютном, располагающем к неге офисе, я размышлял о Мордехеае Грине, который в этот самый момент кормил в жалком приюте замерзших бродяг, находя улыбку и доброе слово для каждого.

Мы оба – дипломированные профессионалы, адвокаты, оба с легкостью способны сыпать заумными словечками. В определенном смысле мы – побратимы. Я помогаю своим клиентам утопить конкурентов и добавить к итоговой сумме пару-тройку нулей, он своим – найти пропитание и теплый ночлег.

Я смотрел на столбики цифр: оклад, месяц, год – вехи на пути к богатству – и погружался в жуткую тоску. Какая прилипчивая, неприкрытая алчность.

Опять зазвонил телефон.

– Почему ты до сих пор на работе? – От четкой, безукоризненной дикции Клер повеяло холодом.

Я с недоумением взглянул на часы:

– Да клиент с западного побережья. Видишь ли, они там не знают, что такое снег.

Отговорка была не нова, однако сейчас это не имело значения.

– Я жду, Майкл. Или мне отправляться пешком?

– Не стоит. Постараюсь добраться побыстрее.

Ей и раньше доводилось меня ждать. Это составляло часть игры: чрезвычайная занятость мешала мне (ей) быть пунктуальным.

Спустившись вниз, не слишком расстроенный, я через сугробы побежал к стоянке.

Глава 6

Снегопад наконец утих. Сидя на кухне у окна и отгородившись друг от друга газетами, мы пили кофе. Ослепительно сияло солнце. Я вычитал, что аэропорт открыт.

– Давай махнем во Флориду, – предложил я. – Прямо сейчас.

Положив газету на стол, Клер бросила на меня испытующий взгляд:

– Во Флориду?

– Ну на Багамы. Прибудем сразу после обеда.

– Нет.

– Еще как да! У нас есть несколько дней – на работу я не собираюсь, и...

– С чего это вдруг?

– Потому что чувствую себя развалиной. В таких случаях фирма дает сотруднику три – пять дней, чтобы восстановить силы.

– Значит, ты развалина?

– Увы! Даже смешно, честное слово. Все проявляют заботу, ходят на цыпочках. Почему бы этим не воспользоваться?

– Я не смогу. – Лицо Клер стало напряженным.

На том и порешили. Разумеется, мое предложение было чистой воды провокацией, я прекрасно знал, что Клер кругом занята. Вновь уткнувшись в газету, я понял, насколько мое предложение было бестактным. Однако никаких угрызений совести не испытал. От поездки со мной Клер отказалась бы в любом случае.

Внезапно она заторопилась. Ее ждали деловые встречи, занятия, светские обязанности – словом, активная жизнь молодого честолюбивого хирурга. Всю дорогу по заснеженным улицам она молчала.

– Мне нужно будет слетать на пару дней в Мемфис, – безразличным голосом сообщил я, когда мы подъехали к воротам, выходящим на Резервуар-стрит.

– Вот как? – невозмутимо откликнулась она.

– Хочу повидать родителей. Последний раз я был у них в прошлом году. Сейчас самое подходящее время. Работать все равно не могу, а снег действует мне на нервы: развалина.

– Ну что ж, позвони мне. – Клер выбралась из машины и хлопнула дверцей. Ни словца, ни поцелуя на прощание.

Я смотрел, как она торопливо шагает по дорожке к госпиталю.

Все кончилось. Что же мне сказать матери?

Моим родителям едва перевалило за шестьдесят; не имея особых проблем со здоровьем, они после раннего выхода на пенсию усердно учились наслаждаться вынужденным бездельем. Отец тридцать лет оттрубил пилотом на гражданских самолетах, мать была банковским менеджером. Всю жизнь они истово работали, откладывая неплохие деньги. Жили мы в просторном уютном доме, каковой и приличествует семье, относящейся к верхушке среднего класса. Два моих брата и я получили образование в частных школах, самых лучших из известных нашим родителям.

Отец с матерью были людьми надежными, основательными, консервативными, патристично настроенными, свободными от дурных привычек и на редкость преданными друг другу. Церковь по воскресеньям, парад на Четвертое июля⁵, раз в неделю Ротари-клуб⁶. А еще они любили путешествовать и могли поехать куда угодно.

⁵ День независимости, национальный праздник США, отмечается в честь принятия Декларации независимости 4 июля 1776 г.

Родители до сих пор переживали по поводу распавшегося три года назад брака Уорнера. Брат был адвокатом в Атланте и женился на сокурснице, девушке из Мемфиса, с чьей семьей мы поддерживали давние дружеские отношения. После рождения второго ребенка супружеская жизнь дала глубокую трещину. Оформив развод и получив алименты, бывшая жена переехала в Портленд. Раз в год отец с матерью навещали внуков.

Этой темы в разговорах с родителями я не касался.

В мемфисском аэропорту я взял напрокат машину и отправился на восток. В Мемфисе жили преимущественно негры, белые предпочитали пригород. Время от времени случались массовые миграции: стоило одной чернокожей семье устроиться поближе к природе, как белые тут же гуськом перебирались в другое место. Подчиняясь стремлению рас к взаимной изоляции, Мемфис потихоньку сползал к востоку.

Родители жили по соседству с полем для гольфа. Их новый дом с широкими окнами выходил на основную площадку. Я его втайне терпеть не мог, потому что на площадке вечно толпились игроки.

Из аэропорта я позвонил родителям, так что к моему прибытию мать сгорала от нетерпения. Отец, по ее словам, застрял где-то у девятой лунки.

– У тебя усталый вид, сынок, – после неизбежных объятий и поцелуев заметила мать. Впрочем, эту фразу я слышал от нее в каждый приезд.

– Спасибо, ма. Зато ты выглядишь чудесно.

Что правда, то правда. Ежедневная партия в теннис помогала ей сохранять стройную фигуру, а кварцевая лампа обеспечивала ровный бронзовый загар.

Сидя во внутреннем дворике, мы потягивали чай со льдом и наблюдали за пенсионерами, разъезжающими в гольф-карах.

– Что-то случилось? – неожиданно спросила мать.

– Нет, все в порядке.

– А где Клер? Почему вы ни разу не позвонили? За последние два месяца я ни разу не слышала ее голоса.

– У Клер тоже все хорошо, мама. Мы живы и здоровы, работаем.

– И вам хватает времени друг на друга?

– Нет.

– Но вместе вы бываете?

– Редко.

Мать встревоженно округлила глаза:

– Что-то не так?

– Да.

– Так я и знала! По твоему голосу в телефоне поняла. Но ты-то хоть не собираешься разводиться? А договориться вы не пробовали?

– Нет. Оставим это, ма.

– Ну почему не попробовать? Клер – замечательная женщина, Майкл. Постарайтесь отдать совместной жизни все, что у вас есть.

– Мы пытаемся, мама. Это очень трудно.

– Да почему? Связи на стороне? Наркотики? Спиртное? Азартные игры? Что-нибудь похуже?

– Нет. Просто каждый живет своей жизнью. Я провожу на работе восемьдесят часов в неделю. Она тоже.

– Сбросьте темп. Деньги – это еще не все. – Голос матери дрогнул, глаза увлажнились.

⁶ Местное отделение элитарной общественной организации, объединяющей влиятельных представителей деловых кругов.

– Мне очень жаль, мама. Хорошо хоть у нас нет детей.

Она прикусила губу, стараясь не выдать, что обмерла в душе. Мамино горе было мне понятно: у двух сыновей жизнь не сложилась, теперь вот у третьего... Мой развод станет крахом ее надежд. И во всем она будет винить только себя.

Не желая быть объектом жалости, я перевел разговор в иное русло и поведал историю с Мистером, несколько приуменьшив, ради маминого спокойствия, опасность, которая мне угрожала. Если мемфисские газеты и сообщали о случившемся, то родители заметки точно не читали.

– С тобой все в порядке? – потрясенно спросила мать.

– Естественно. Пуля прошла мимо. Я же здесь.

– Слава Богу! Но я имею в виду твое моральное состояние.

– Я в полном душевном равновесии, никаких истерик. Мне дали пару выходных, вот я и приехал.

– Бедненький. Сначала проблемы с Клер, теперь это.

– Я отлично себя чувствую. Вчера у нас был сильнейший снегопад, самый подходящий момент убраться на время из города.

– А Клер?

– Как и все в Вашингтоне. Живет в госпитале, это, пожалуй, самое спокойное сейчас место.

– Я очень за тебя волнуюсь. В газетах пишут про рост преступности. Вашингтон становится все более опасным.

– Да почти таким же, как Мемфис.

Около низкого заборчика приземлился мяч. Через минуту на гольф-карте подъехала его владелица, тучная дама. Она вылезла из крошечной машины, подошла к мячу, неловко взмахнула клюшкой. Удар оказался слабым.

Мать направилась к дому, чтобы принести чаю и утереть слезы.

Не знаю, кого из родителей сильнее расстроил мой приезд. Мать мечтала о крепких семейных узах для сыновей и о возне с внуками. Отцу хотелось, чтобы его сыновья как можно быстрее взбирались по служебной лестнице к честно заработанному успеху.

Ближе к вечеру мы с отцом вышли на площадку. Он играл, а я пил пиво и разъезжал по полю на машинке. Гольфу пока предстояло найти в моем лице страстного поклонника. Две бутылки холодного пива развязали мне язык, а после того как за обедом опять прозвучала грустная повесть о Мистере, я решил, что собрался с силами, дабы выйти на ринг.

– Знаешь, папа, от работы в большой фирме меня начинает тошнить.

Пройдя три лунки, перед четвертой отец присел передохнуть. Я нервничал и, понимая это, раздражался сильнее. В конце концов, речь шла о моей жизни, не о его.

– И что это означает?

– Я устал от того, чем занимаюсь.

– Поздравляю. Значит, ты считаешь, будто рабочий у станка не устает? Ты хоть богатеешь.

Первый раунд по очкам остался за ним, еще немного – и отец пошлет меня в нокаут.

– Собираешься искать новое место? – спросил он, поглядывая по сторонам в поисках улетевшего мяча.

– Подумываю.

– И что же ты надумал?

– Говорить слишком рано. В данный момент у меня нет ничего конкретного.

– Тогда откуда эта уверенность, что на новом пастбище тебя ждет более сочная трава? –

Ударом клюшки отец подбросил найденный мяч и зашагал к следующей лунке.

Следя за ним, я направил карт по узкой гравийной дорожке. Любопытно, чем меня пугал этот рослый седовласый человек? Он поднял на ноги трех сыновей, научил их добиваться поставленной цели, привил здоровое честолюбие, стремление зарабатывать хорошие деньги, собственными руками воплощая в жизнь великую Американскую мечту. Своим трудом он оплатил все, чего достигли его дети.

Как и братья, я появился на свет без чувства долга перед обществом. Мы опускали монетки в кружку для церковных подаяний – потому что так велит Библия. Мы платили налоги – потому что так требует закон. Безусловно, часть денег шла на добрые дела, мы вроде принимали в них участие. Политикой занимались те, кто хотел играть в большие игры, а порядочные люди знали, что честным трудом богатства не наживешь. Нас учили приносить пользу, дескать, чем большего успеха добьемся мы, тем богаче станет общество. Ставь цель, трудись не покладая рук, будь порядочным, и тебя ждет процветание.

Вот почему я боялся отца – у него все было разложено по полочкам, ему не хватало снисходительности.

Потерпев неудачу на пятой лунке и виня в этом клюшку, отец забрался в карт.

– А если тучное пастбище меня не интересует?

– Почему бы тебе не выложить все начистоту?

Я замялся – так бывало, когда мне не хватало решительности говорить откровенно.

– Меня интересует вопрос защиты интересов простого человека.

– Это еще что за чертовщина?

– Это когда люди работают на пользу общества, не стремясь сделать кучу денег.

– Ты что, превратился в демократа? Наверное, слишком долго прожил в Вашингтоне.

– В Вашингтоне есть и республиканцы. Вообще-то их там больше, чем демократов.

До следующей лунки мы добрались в полном молчании. Несмотря на то что отец всегда был умелым игроком, сейчас его коротким ударам не хватало точности. Я мешал ему сосредоточиться.

– Выходит, к мысли переустроить общество тебя подтолкнула смерть какого-то бродяги-алкоголика? Так? – спросил он, в очередной раз промахнувшись.

– Он не был алкоголиком. Он воевал во Вьетнаме.

В самом начале вьетнамской войны отец летал на «Б-52». На мгновение он смутился, но, не считая себя вправе отступать, перешел в контратаку:

– Один из этих, да?

Я промолчал. Мяч прокатился мимо от лунки, однако отец, похоже, потерял интерес к игре. Еще один неудачный удар, и мы направились в сторону дома.

– Я бы очень не хотел, чтобы ты поставил крест на блестящей карьере, сынок. Слишком много сил положено. Ведь осталось всего несколько лет до компаньонства.

– Может быть.

– Тебе нужно отдохнуть.

Все считали отдых лучшим лекарством для меня.

Вечером я предложил родителям поужинать в приличном ресторане. Сидя за столом, мы старательно избегали разговоров о Клер, о моей карьере и о том, как редко дедуля и бабуля видят внуков. Вспоминали старых друзей, перемывали косточки соседям. Я внимательно слушал последние городские новости, до которых мне не было никакого дела.

В пятницу, простившись с родителями, за четыре часа до отлета я отправился в аэропорт навстречу поджидавшему меня в Вашингтоне туманному будущему.

Глава 7

Квартира, конечно, оказалась пустой. На кухонном столе лежала записка. Следуя моему примеру, Клер без всяких объяснений укатила на два дня в Провиденс. Просила только позвонить ей.

Звонком я оторвал ее от семейного ужина. В течение пяти минут мы уверяли друг друга в собственном и родительском отличном самочувствии. Вернуться Клер обещала в воскресенье после обеда.

Положив трубку, я выпил чашку кофе, глядя на поток машин, ползущий за окном спальни по заснеженной Пи-стрит. Сугробы так и не растаяли.

Я подозревал, что Клер сейчас ведет тот же безрадостный разговор с родителями, что сутки назад состоялся у меня. В том, как мы, не осознав всей правды, старались быть честными перед родственниками, было нечто странное и печальное, однако я ничуть не удивился. Ситуация измотала меня; я твердо решил: в ближайшие дни, может, даже в воскресенье сесть вместе с Клер здесь, на кухне, и предложить высказаться до конца. Пора назвать вещи своими именами, поделиться взаимными страхами, пришло время признать, что каждый хочет жить сам по себе. Я знал, что Клер не против, мне лишь было неизвестно, сколь велико ее стремление к свободе.

Выстраивая в голове доводы и подбирая убедительные формулировки, я вышел прогуляться. На улице было холодно, резкие порывы ветра продували пальто насквозь. Я шел мимо приветливо светящихся окон, за которыми улыбочивые, счастливые люди сидели у домашних очагов. Это были настоящие семьи.

Передо мной лежала Эм-стрит, заполненная оживленной толпой тех, кому одиночество внушало больший страх, чем морозная ночь. Я видел забитые битком бары и кофейни; у дверей ресторанов топтались очереди.

Не обращая внимания на застывшие ноги, я замедлил шаг у широкого окна какого-то клуба. Гремела музыка, молодежь за столиками поднимала бокалы, кое-кто танцевал. Впервые я почувствовал, что весна жизни ушла безвозвратно. В свои тридцать два года за последние семь лет я отдал работе столько сил и энергии, сколько большинству хватило бы лет на двадцать. Возраст, пусть не старческий, тяжело давил мне на плечи. Пора признать: университетская скамья далеко позади, и вот эта беззаботная девушка за стеклом уже никогда не захочет взглянуть на меня дважды.

Вновь поваливший снег напомнил мне, как я продрог. С купленным сэндвичем в кармане я вернулся домой. Плеснул в стакан хорошую порцию виски, разжег в камине небольшой огонь и при едва разгонявших темноту отблесках пламени скромно поужинал. В душе разрасталась щемящая пустота.

В добрые старые времена, когда Клер случалось оставить меня на выходные, я без всяких угрызений совести проводил ночь в офисе. При мысли о работе думы мои потекли в ином направлении. Мой уход ничего не изменит в «Дрейк энд Суини», фирма так и будет стоять неколебимо и гордо, опираясь на легионы молодых способных юристов, готовых в любое время дня и ночи защищать интересы своих клиентов. Мое отсутствие вряд ли даже заметят, а роскошный кабинет, где я сидел, обретет нового владельца через несколько минут после того, как за мной навсегда захлопнется дверь.

Телефонный звонок в десятом часу вернул меня из элегической дремы к реальности.

— Вы чем-нибудь заняты? — донесся из трубки громкий голос Мордехая Грина.

— М-м... в общем-то нет. А что?

— Холод стоит собачий, началась метель, и нам опять катастрофически не хватает людей. Не хотите пожертвовать несколькими часами?

– На что?

– На работу. У нас большая нужда в крепких парнях. Приюты заполнены до отказа, кухни не справляются. Требуются добровольные помощники.

– Не уверен, что у меня есть соответствующая квалификация.

– Масло на кусок хлеба намазать сможете?

– Думаю, да.

– В таком случае вы нам подходите.

– Хорошо, где вас найти?

– Кварталах в десяти от нашей конторы. Знаете перекресток Тринадцатой и Евклида?

По правую руку увидите желтое здание церкви. Христианское братство Эбенезера. Спуститесь в подвал.

Пока я записывал адрес, ручка в пальцах у меня подрагивала. Мордехай приглашал в окопы. Мелькнула мысль спросить, не стоит ли прихватить пистолет. Он, поди, при оружии. Но он – черный, а я нет. И что будет с моим красавцем «лексусом»?

– Все поняли? – после краткой паузы прорычал в трубку Грин.

– Да. Подъеду минут через двадцать, – мужественно отвечивал я, чувствуя, как запрыгало сердце.

Надев джинсы, свитер и теплые кроссовки, я вытащил из бумажника деньги и кредитные карточки. На верхней полке шкафа нашлась старая, на толстой шерстяной подкладке, куртка, вся в пятнах от кофе и масляной краски, чудом сохранившаяся со студенческих времен. В надежде, что она поможет мне выглядеть не самым состоятельным членом общества, я подошел к зеркалу. Надежда не оправдалась. Появись молодой актер в подобном одеянии на обложке «Вэнити фэр»⁷, модельеры тут же подхватят новое направление.

Мне срочно был нужен бронежилет. Несмотря на страх перед грядущим, я испытывал странное возбуждение.

В дороге обошлось без стрельбы – похоже, гангстеры, как и добропорядочные граждане, пережидали непогоду дома. Доехав до церкви, я оставил машину на противоположной стороне улицы. Храм, походивший на маленький кафедральный собор, был построен не менее ста лет назад и казался покинутым прихожанами.

Свернув за угол, я увидел небольшую группу людей, стоящих у двери. С видом человека, хорошо знающего, где он находится и что делает, я протиснулся сквозь толпу и вошел внутрь.

При всем желании произвести впечатление парня, который торопится выполнить давно привычную работу, я не мог сделать и шага вперед. В церковный подвал набилось столько народу, что у меня от удивления отвисла челюсть. Одни лежали на полу, пытаясь заснуть. Другие сидели кружками по пять – семь человек и негромко переговаривались. Третьи, устроившись за длинными столами или просто на складных стульях, ели – словом, тут яблоку негде было упасть. Матери старались не отпускать далеко плачущих, ссорящихся или играющих детей. Несколько пьяных оглушительно храпели. Добровольные помощники передавали по цепочке одеяла и, осторожно ступая между распростертыми на полу людьми, клали в протянутые руки по яблоку.

У дальней стены кипела бурная деятельность: там готовили, раскладывали и пускали по подвалу еду. В самой глубине кухни я заметил Грина – без умолку говоря, он наливал в картонные стаканчики фруктовый сок.

⁷ Название модного развлекательного журнала.

В теплом воздухе стоял густой, но довольно приятный дух, вернее, смесь запахов. Меня толкнул в спину очередной прибывший, подобно Мистеру закутанный в тряпье. Нужно было пошевеливаться.

Я направился прямо к Мордехаю, он мне обрадовался. Подобно старым друзьям, мы обменялись рукопожатием, и он представил меня двум своим помощникам, чьих имен до этого вечера я слыхом не слыхивал.

– С ума сойти, – сказал Грин. – Снег, мороз, и работы на всю ночь. Берите! – Он указал на поднос с белым хлебом.

Подхватив поднос, я пошел за Грином к столу.

– Не так уж это и сложно. Вот колбаса, вот горчица и майонез. Половину сэндвичей делайте с горчицей, половину – с майонезом. Кусок колбасы, два куска хлеба. Десяток-другой ломтей смажьте арахисовым маслом. Ясно?

– Да.

– Схватываете на лету. – Он похлопал меня по плечу и пропал.

Быстро справившись с первой дюжиной сэндвичей и почувствовав себя профессионалом, я сбавил темп и принялся рассматривать стоявших в очереди людей. Головы опущены вниз, взгляды устремлены на еду. Каждый держит две тарелки: плоскую из картона и поглубже из пластика, а также ложку и салфетку. По мере продвижения в пластиковую посудину наливается суп, на картонку кладутся сэндвич, яблоко и квадратик печенья. В самом конце вручается стакан яблочного сока.

Добровольца, разливающего сок, большинство подходивших негромко благодарили. Получив порцию, даже дети становились серьезными и спокойными.

Ели бездомные медленно. Необходимо было в полную меру насладиться теплом, ощутить богатство вкуса, втянуть носом удивительный аромат пищи. Впрочем, кое у кого еда исчезала с тарелок в мгновение ока.

Рядом со мной стояла газовая плита, и на каждой из четырех конфорок кипел суп в огромной кастрюле. Сбоку от плиты помещался большой стол, заваленный морковью, луком, помидорами, сельдереем и куриными тушками. Сноровистый доброволец яростно орудовал огромным ножом. Два его товарища управлялись с кастрюлями. Несколько человек подносили готовую похлебку к раздаточным столам. Сэндвичами занимался один я.

– Нужны еще бутерброды с арахисовым маслом, – сообщил вернувшийся на кухню Мордехай. Склонившись, он извлек из-под стола восьмилитровую жестяную банку. – Справитесь?

– Рассчитывайте на меня смело.

Некоторое время Грин наблюдал за моей работой. Очередь рассасывалась; я понял, что он хочет воспользоваться передышкой и переброситься парочкой фраз.

– А вы показались мне юристом, – пустил я пробный шар, продолжая намазывать масло.

– Прежде всего я человек, потом юрист. Иногда первое совпадает со вторым. Мажьте потоньше, мы должны помнить о других голодных.

– Откуда вы берете продукты?

– Из накопителя. Туда поступают все пожертвования. Сегодня нам повезло: добрая душа прислала кур. Здесь это деликатес. Обычно мы довольствуемся овощами.

– Хлеб мог быть и посвежее.

– Согласен. Зато достался даром. Мы его получаем из крупной пекарни, они отдают нам нераспроданную вчерашнюю партию. Хотите – возьмите сэндвич.

– Спасибо, только что съел. А вы тоже здесь питаетесь?

– Редко.

Судя по комплекции, Мордехай действительно не придерживался яблочно-овощной диеты. Усевшись на край стола, он обвел взглядом людей, заполонивших подвал.

– Вы впервые в приюте?

– Да.

– Какое слово пришло вам на ум, когда вы вошли?

– Безнадежность.

– Так я и думал. Ничего, это пройдет.

– Сколько здесь проживает человек?

– Ни одного. Это убежище на крайний случай. Кухня, правда, работает ежедневно, кормит людей обедом и ужином, но подвал – не приют. Спасибо церкви, разрешает нам пользоваться им в непогоду.

– Тогда где они все живут? – не отступал я.

– Кое-кто самовольно занял брошенный дом. Таких считают счастливыми. Некоторые ночуют прямо на улицах или в парках. Бывает, спят на автобусных станциях или под мостами. Но выжить в подобных местах можно только при соответствующей погоде. Нынешняя ночь для многих могла стать последней.

– А приюты?

– Разбросаны по городу. Всего их около двух десятков: одни существуют на деньги частных фондов, другие содержатся городскими властями, вот-вот закроются два заведения, за что мы очень «благодарны» новому бюджету.

– На сколько коек они рассчитаны?

– На пять тысяч.

– А всего бездомных?

– Это вечный вопрос. Уж больно непросто их подсчитать. Более или менее верной представляется цифра десять тысяч.

– Десять тысяч?!

– Да, и это только те, кто обитает на улице. Но ведь раза в два больше людей живут у знакомых или друзей в постоянном страхе потерять крышу над головой.

– Получается, по крайней мере пять тысяч вынуждены ночевать под открытым небом? – Я не мог в это поверить.

– По крайней мере.

Подошедший доброволец попросил сэндвичи. Мы споро приготовили пару дюжин и вновь принялись изучать окружающих. Внезапно дверь распахнулась, и в подвал вошла молодая женщина с младенцем на руках. За ней по пятам следовали трое малышей постарше, на одном не было ничего, кроме трусиков и разномастных носков. Даже ботинок не было. С плеч ребенка свисало грязное полотенце. Остальные были обуты, но с одеждой дела обстояли не лучше. Младенец, похоже, спал.

Попав в тепло, мать оцепенела, не зная, куда податься. У столов не осталось свободных мест. Через мгновение она оправилась и повела свой выводок к еде. Улыбаясь, к женщине подошли два добровольца. Один устроил семейство в углу поближе к кухне и принес тарелки с супом, другой, помогая согреться, заботливо укрыл одеялами.

Мы следили за развитием событий. Поначалу я устыдился собственного любопытства, но вскоре заметил, что на нас с Мордехаем никто не смотрит.

– Что с ней будет, когда снегопад кончится? – негромко спросил я у Грина.

– Кто знает! Спросите у нее самой.

Совет отрезвил меня. В данный момент я не был готов замарать свои белые ручки.

– Вы заходите в окружную ассоциацию адвокатов?

– Бывает. А в чем дело? – удивился я.

– Да так просто. Коллегия много делает для бездомных, и без всякого вознаграждения.

Он явно закидывал удочку, но меня так легко не поймает.

– Моя специальность – дела, по которым суд выносит смертный приговор, – гордо сообщил я, не очень покривив при этом душой.

Четыре года назад я помогал одному из компаньонов фирмы готовить речь в защиту заключенного, ожидавшего в камере техасской тюрьмы исполнения приговора. Фирма взяла на себя обязательство оказывать заключенным этой тюрьмы безвозмездную юридическую помощь, а драгоценное время, затраченное на подобную благотворительность, в подбивку не включишь.

Я продолжал посматривать на сидевшую в углу мать с детьми. Малыши набросились на печенье, суп остывал. Молодая женщина не обращала внимания на еду.

– У нее есть куда пойти после подвала? – поинтересовался я.

– Скорее всего нет, – ответил Грин, покачивая ногой. – Вчера список остро нуждающихся хотя бы во временном прибежище насчитывал пятьсот фамилий.

– Во временном? – переспросил я.

– Именно так. Для замерзающих бродяг в городе существует лишь один приют, да и тот власти открывают, когда температура падает ниже нуля. Приют для нее единственный шанс, но, боюсь, этой ночью там и ступить-то некуда. А только снег начнет таять, на дверях появится замок.

Добровольцу, который ловко управлялся с овощами, срочно потребовалось уйти. Поскольку из свободных на данный момент помощников ближе к его рабочему месту находился я, мне и предложили встать на замену. В течение следующего часа Мордехай делал сэндвичи, а я шинковал морковь под бдительным взглядом мисс Долли, члена церковного совета, уже более одиннадцати лет отвечавшей за питание бездомных. Кухня была ее детищем. Я сподобился быть допущенным в святая святых. Наблюдательная мисс Долли не преминула заметить, что летящие из-под моего ножа пластинки сельдерея чересчур крупные, и я мгновенно исправился. Белый фартук Долли сверкал первозданной чистотой, сознание значимости возложенных на нее обязанностей наполняло распорядительницу чувством законной гордости.

– Наверное, видеть этих людей вошло у вас в привычку? – обратился я к Долли.

Мы стояли у плиты, прислушиваясь к перебранке, смолкшей, однако, после вмешательства Мордехая и молодого священника.

– Да Бог с вами, милый, – откликнулась Долли, вытирая полотенцем руки. – Смотрю на них, и сердце разрывается. Но, как сказано в Писании, «счастливы те, кто утешает обездоленных». Это и придает мне силы. – Мягким, домашним движением она помешала суп в кастрюле. – Курица сварилась.

– И что теперь?

– Нужно достать ее и положить на тарелку. Когда остынет, вынуть из нее кости.

Предложенная Долли технология превращала прозаическое занятие в высокое искусство.

Овладевая им, я чувствовал, как у меня горят пальцы.

Глава 8

Вслед за Мордехаем я поднялся по темной лестнице в алтарную часть.

– Смотрите под ноги, – едва слышно предупредил он, толкнув створчатые двери.

Храм был полон людей, застывших в причудливых позах. Спали на длинных деревянных скамьях. Спали на полу под ними. Спали в центральном проходе, почти впритирку. И с переполненных хоров доносился храп. Матери тихо увещевали беспокойных детей.

– Очень немногие церкви решаются на такое, – прошептал Мордехай, стоя у алтарного столика и обводя взглядом зал.

Мне было легко понять это нежелание помочь ближнему.

– А что происходит по воскресеньям? – так же шепотом спросил я.

– Все зависит от погоды. Здешний священник – один из наших. Вместо того чтобы выгонять людей на улицу, он иногда просто отменяет службу.

Выражение «один из наших» было мне не вполне понятно – я не ощущал принадлежности к какому-то клубу. Над головой раздался скрип. Я поднял глаза. Вдоль стен тянулся балкон, темный от множества людей, вяло шевелящихся на скамьях. Мордехай тоже посмотрел вверх.

– Сколько народу... – Закончить фразу мне не хватило духу.

– Мы не считаем. Мы только кормим и предоставляем убежище.

От внезапного порыва ветра задребезжали стекла. Здесь было заметно холоднее, чем в подвале. Пробравшись на цыпочках между спящими, мы вышли через дверь за органом.

Стрелки часов приближались к одиннадцати. Людей в подвале не убавилось, но очереди к кастрюлям уже не было.

– Давайте за мной, – сказал Мордехай.

Он взял пластиковую тарелку и протянул ее стоявшему у плиты добровольцу.

– Посмотрим, что ты тут настряпал. – По губам Мордехая скользнула улыбка.

Мы уселись за складной столик в самом центре подвала, плечом к плечу с бродягами. Как ни в чем не бывало, Мордехай ел и говорил, говорил и ел; мне это было не по силам. Болтая ложкой в супе, который благодаря стараниям мисс Долли оказался вкусным, мне никак не удавалось отрешиться от мысли, что я, Майкл Брок, состоятельный белый человек, уроженец Мемфиса и выпускник Йельского университета, удачливый юрист из прославленной фирмы «Дрейк энд Суини», сижу, окруженный бродягами, в подвале церкви, расположенной на северо-западной окраине Вашингтона. Только одно белое лицо за все это время я видел здесь – испитую харю алкоголика, зашедшего проглотить суп и сразу исчезнуть.

Я был уверен, что машину мою давно угнали, что, выйдя на улицу, не выдержу там и пяти минут. Надо было держаться Мордехая – когда бы и куда бы он ни отправился.

– А суп неплох, – заявил он. – Вообще-то случается по-разному, в зависимости от того, чем мы располагаем. Да и рецептура на каждой кухне своя.

– У Марты на днях давали вермишель, – сообщил бродяга, сидевший справа от меня; локтем он был ближе к моей тарелке, чем к своей.

– Вермишель? – с шутливым недоверием переспросил Грин. – Ты обнаружил в миске вермишель?

– Ага. Примерно раз в месяц у Марты можно наткнуться на вермишель. Правда, теперь, когда об этом почти все знают, столик там не очень-то получишь.

Трудно было понять, балагурит бродяга или нет, однако в глазах у него мелькали искорки смеха. Мысль о бездомном, сетующем на нехватку столиков в его излюбленной общественной кухне, показалась мне довольно забавной. Надо же – проблема заполучить столик! Часто ли я слышал подобную фразу от своих друзей в Джорджтауне?

Мордехай улыбнулся:

– Как тебя зовут?

Я заметил, что, обращаясь к человеку, он всегда стремился узнать его имя. Похоже, бродяги были для Грина не жертвами судьбы, а родственными душами. Мордехай любил их.

«Интересно, – подумал я, – как человек превращается в бродягу? Что за поломка произошла в огромном механизме социальной помощи, из-за которой граждане Америки становятся нищими и ночуют под мостами?»

– Драно, – сказал бродяга и сунул в рот выловленный из моего супа кусочек моркови, покрупнее выбрал.

– Драно? – удивился Мордехай.

– Драно.

– А фамилия?

– Отсутствует. Для этого я слишком беден.

– Кто тебя так назвал?

– Мапочка.

– А сколько тебе было тогда лет?

– Около пяти.

– Но почему Драно?

– У нее был ребенок, который вечно орал и не давал нам спать. Ну и однажды я накормил его «Драно»⁸, – разъяснил бродяга, помешивая ложкой в моей тарелке.

Я не поверил ни единому слову из этой хорошо отрепетированной и умело поданной истории. Зато ее заворуженно слушали окружающие. Драно наслаждался всеобщим вниманием.

– Что же было дальше? – невозмутимо спросил Мордехай.

– Ребенок помер.

– Но это был твой брат!

– Нет. Сестричка.

– Значит, ты убил собственную сестру?

– Зато потом мы спокойно спали по ночам.

Мордехай подмигнул мне, давая понять, что наслышался подобных баек предостаточно.

– Где ты живешь, Драно? – полюбопытствовал я.

– В Вашингтоне.

– Где твой дом? – уточнил Мордехай.

– Здесь, там... Много богатых дамочек, которым нравится мое общество.

Соседи Драно не выдержали: один фыркнул, другой заржал.

– А куда приходит твоя корреспонденция? – продолжил беседу Грин.

– На почту.

Было очевидно, что за словом в карман Драно не лезет. Мы оставили его в покое.

Приготовив для добровольцев кофе, мисс Долли выключила плиту. Бродяги принялись устраиваться на ночь.

Мы сидели у стола, пили кофе и смотрели, как люди в полутьме сворачиваются калачиками на полу.

– Вы долго намерены пробыть здесь? – осведомился я.

– Трудно сказать. – Мордехай пожал плечами. – Сейчас тут около двухсот человек. Как правило, всегда что-нибудь да случается. Священник хотел, чтобы я остался.

– На всю ночь?

⁸ Патентованное средство для прочистки канализации, смесь поташа и алюминиевого порошка.

– Как обычно. А вы можете уйти, когда пожелаете.

Делить сон с присутствующими не входило в мои планы. Но и покидать церковь в одиночку было боязно.

Белый человек за рулем дорогой машины в пятницу ночью на безлюдной улице весьма сомнительного квартала? Я был очень далек от мысли испытывать судьбу – пусть даже снегопад прекратился.

– У вас есть семья? – возобновил я разговор.

– Да. Жена работает секретаршей в министерстве труда. Три сына. Один в колледже, другой в армии. – Голос Мордехая дрогнул, и я не стал спрашивать о третьем. – Третьего мы потеряли десять лет назад. Его убили на улице.

– Простите.

– А у вас что?

– Женат, детей нет.

Впервые за последние часы я вспомнил о Клер. Как бы она повела себя, узнай, где я нахожусь? Мы всегда были слишком заняты, чтобы тратить время на что-то, хоть отдаленно похожее на благотворительность.

Клер наверняка пробормотала бы нечто вроде: «Он совсем рехнулся», – только и всего. Плевать.

– Чем занимается ваша жена?

– Проходит хирургическую практику в Джорджтауне.

– Так у вас все впереди, не правда ли? Через пару лет вы станете компаньоном в известной юридической фирме, а ваша супруга – хирургом. Воплощенная Американская мечта.

– О да!

Неизвестно откуда взявшийся священник увлек Мордехая в угол кухни, приглушенно заговорил. Захватив несколько штук печенья, я направился к молодой женщине с детьми. Она спала; голова ее покоилась на подушке, правая рука обнимала младенца. Ребята лежали под одеялами рядом, старший не спал.

Присев на корточки, я протянул ему одно печенье. Глаза мальчишки блеснули, он мгновенно сунул лакомство в рот. Маленькое худое тельце, никак не больше четырех лет.

Голова матери соскользнула с подушки; женщина проснулась, взглянула на меня усталыми печальными глазами, заметила печенье, слабо улыбнулась, поправила подушку и снова задремала.

– Как тебя зовут? – шепотом спросил я малыша. Угощение сделало нас друзьями.

– Онтарио, – без всякого выражения протянул он.

– Сколько же тебе лет?

Паренек поднял четыре растопыренных пальчика, подогнул один, но после некоторого колебания распрямил.

– Четыре? – уточнил я.

Он кивнул и протянул руку за новым угощением. Мне стало приятно. Я дал печенье. Я готов был отдать ему все, что имею.

– Где ты живешь?

– В машине, – прошептал он.

До меня не сразу дошло, что это означает. О чем бы еще спросить? Впрочем, стоит ли? Печенье занимало его гораздо больше, чем разговор с незнакомцем. На три вопроса я получил три честных ответа. Они жили в машине.

Мне захотелось выяснить у Мордехая, как должен поступить порядочный человек, узнав, что целая семья живет в машине, однако вместо этого я продолжал сидеть и улыбаясь смотреть на Онтарио. Наконец улыбнулся и он:

– Яблочный сок остался?

– Разумеется. – Я пошел на кухню.

Мальчик в два глотка выпил первый стакан, я протянул ему второй:

– А как насчет благодарности?

– Спасибо. – Он раскрыл в ожидании печенья ладошку и получил его.

Я отыскал складной стул и сел подле семейства спиной к стене. В подвале было тихо, но иногда тишину нарушали стычки. У тех, кто не имеет собственной постели, сон редко бывает безмятежным. Время от времени Мордехай, осторожно пробираясь между спящими, утихомиривал буянов. Его массивная, внушающая страх фигура не вызывала желания вступать в пререкания.

Онтарио задремал; его головка склонилась к материнскому бедру. Я сходил налил себе кофе и со стаканчиком вернулся на стул.

Вдруг удивительно пронзительный, жалобный плач младенца заполнил подвал. Полусонная мать начала укачивать ребенка, от чего тот раскричался громче. Захныкали и трое детей постарше.

Не отдавая себе отчета, я подошел к женщине и с улыбкой, которая должна была завоевать ее доверие, взял у нее младенца. Мать не протестовала. По-моему, она была даже рада избавиться от крикуна.

Крошечное тельце почти ничего не весило. Я перехватил малыша поудобнее и тут обнаружил, что он совершенно мокрый. Я двинулся на кухню, уповая в душе на помощь Мордехая или кого-нибудь из подзадержавшихся добровольцев. Мисс Долли покинула подвал час назад.

Дойдя до плиты, я с радостным облегчением отметил, что более не слышу душераздирающего плача. Оставалось только найти полотенце либо сухую тряпку. С пальцев капало.

Где я нахожусь? Чем, черт возьми, занимаюсь? Что сказали бы друзья, увидев меня в подвале с чужим ребенком на руках, напевающим колыбельную и умоляющим Господа послать подгузник?

Неприятного запаха я не чувствовал, зато представлял, как десятки, сотни мерзких насекомых прыгают в мои ухоженные волосы с лежащей у меня на плече головки. На помощь пришел Мордехай, он включил в подвале свет.

– Какая трогательная картина!

– У нас есть пеленки? – прошипел я.

– По-большому или по-маленькому? – ликующим голосом осведомился он, направляясь к деревянному шкафу.

– Не знаю. Нельзя ли побыстрее?

Грин достал из шкафа упаковку памперсов, и я сразу передал ему уделавшееся чадо. На левом плече у меня расплывалось большое пятно. С поразительным самообладанием Мордехай уложил младенца на разделочный стол и снял промокшее тряпье. Дитё оказалось девочкой. Грин обтер ее полотенцем, заправил свеженьким памперсом и вручил мне.

– Вот вам ваша кроха, как новенькая, – с гордостью сказал он.

– Этому в университете нас не учили, – заметил я, бережно принимая малышку.

В течение следующего часа я расхаживал по подвалу с девочкой на руках. Когда она уснула, завернул ее в свою джинсовую куртку и осторожно положил между Онтарио и матерью.

Прошло три часа, как наступила суббота. Пора было возвращаться домой. Большого за один день моя внезапно встрепенувшаяся совесть вместить не могла. Выйдя на улицу, Мордехай поблагодарил меня и отпустил, раздетого, в ночь. «Лексус», покрытый толстым слоем снега, я отыскал там, где оставил.

Грин со ступеней церкви смотрел мне вслед.

Глава 9

С того момента как в четверг состоялось мое знакомство с Мистером, я не включил в подбивку для старой доброй фирмы ни единого часа.

На протяжении последних пяти лет я закрывал в среднем по двести часов в месяц, то есть по восемь часов шесть дней в неделю – за вычетом нескольких выходных. Время в буквальном смысле означало деньги, и потратить несколько часов впустую было непозволительной роскошью. Обнаружив отставание, что случалось весьма редко, я просиживал в офисе половину субботы, а иногда и воскресенья. При соблюдении графика ограничивался семью-восемью часами в субботу и почти бездельничал в воскресенье. Ничего удивительного, что Клер спасалась от одиночества медициной.

Лежа поздним субботним утром в постели и рассматривая потолок, я, подобно паралитику, не был в состоянии совершить даже простое движение. Мысль о необходимости встать и отправиться в офис вызывала страх. Эта бесконечная лента из розовых бумажек на рабочем столе! А записки от начальства, живо интересующегося моим здоровьем? А болтовня назойливых любителей почесать язык, их неизбежное «Как дела»? А искренняя (или лицемерная) тревога в вопросах друзей и приятелей? Но больше всего пугала сама работа. Все без исключения дела по антитрестовскому законодательству требовали терпения и чудовищного напряжения; толстые папки с документами едва помещались на стеллажах. Результатом же адского труда являлось то, что одна безумно богатая корпорация поглощала другую, для чего легион юристов изводил тонны бумаги.

Пора признаться: я никогда не любил свою работу. Она являлась для меня лишь средством, а вовсе не целью. Крутясь в нашей сфере на износ, всякий поневоле станет докой, достигнет совершенства и рано или поздно добьется успеха – не важно, на поприще хитроумных уверток от налогов, в разрешении трудовых конфликтов или адвокатуре. Но кто, спрашивается, способен полюбить антитрестовское законодательство?

Совершив над собой насилие, я поднялся с постели и встал под душ.

Позавтракал за рулем горячей булочкой и стаканчиком крепкого кофе, купленными на улице. Интересно, что ел сегодня Онтарио, подумал я и сразу приказал совести прекратить напрасную пытку. Я имел бесспорное право поглощать пищу, не испытывая чувства вины. И все же вопрос полноценного питания потерял для меня актуальность.

Если верить прогнозу, температура в течение нынешних суток могла колебаться между семью и пятнадцатью градусами ниже нуля, а нового снегопада на неделе и вовсе не ожидалось.

В вестибюле я услышал знакомый голос. Вслед за мной в лифт вошел Брюс из службы коммуникаций.

– Как поживаешь, приятель?

– Отлично. А ты? – Поддерживать разговор не хотелось.

– Аналогично. Ребята очень переживают за тебя. Держись!

Я кивнул так, будто их поддержки мне только и не хватает. К счастью, на втором этаже он удалился, не забыв дружески потрепать меня по плечу. Пошел ты к черту, а, Брюс?

Ощущая себя развалиной, я проковылял по отделанному мрамором холлу мимо стола мадам Девье и дверей конференц-зала, ввалился в свой кабинет и без сил рухнул в кожаное кресло.

Для того чтобы известить меня о имевших место телефонных звонках, Полли отработала два приема. Если я был достаточно прилежен, чтобы ответить большинству звонивших, и если она была удовлетворена моим усердием, то на телефон клеились аккуратные квадратики с новыми номерами. Если же приложенные мной усилия разочаровывали ее, то через

центр стола к полу устремлялся настоящий поток наклеенных друг на друга в безукоризненно точном хронологическом порядке розовых листков.

Сегодня меня ждали тридцать девять сообщений, причем одни требовали срочного ответа, а другие исходили от начальства. Судя по количеству записок, самое яростное негодование по поводу моего отсутствия на рабочем месте выказал Рудольф. Я пробежал глазами листки, отложил в сторону и исполнился твердой решимости допить в спокойной обстановке кофе. Согревая ладони о не успевший остыть стаканчик, я взирал в грядущую неизвестность и, наверное, напоминал человека, размышляющего на краю пропасти. Внезапно дверь распахнулась. Рудольф.

О моем прибытии ему, похоже, сообщили соглядатаи: охранник в вестибюле или Брюс – если только за входом в здание не следила из окон вся фирма. Хотя вряд ли, для этого коллеги были слишком заняты.

– Привет, Майк, – проскрипел Рудольф, уселся в кресло напротив и скрестил ноги. Разговор предстоял серьезный.

– Привет, Руди.

Столь фамильярно я не называл босса еще ни разу – только официально: Рудольф. Интимное «Руди» могли позволить себе его последняя жена да компаньоны, больше никто.

– Где ты пропадал? – В интонации не слышалось и намека на сочувствие.

– В Мемфисе.

– Мемфисе? – эхом отозвался Рудольф.

– Да, мне нужно было повидать родителей. А заодно и психоаналитика – друга семьи.

– Психоаналитика? – продолжал вторить босс.

– Угу. Он наблюдал меня пару дней.

– Наблюдал?

– Совершенно верно. В уютной палате с персидскими коврами, где к ужину подают лососину на пару. Все удовольствие стоит тысячу в день.

– И ты пробыл там двое суток? Двое?!

– Ага.

Ни стыда за ложь, ни уколов совести за отсутствие этого стыда я не чувствовал. При желании или необходимости фирма могла быть очень жесткой, даже жестокой, и, помня об этом, я не жаждал подставлять задницу на растерзание голодным псам. Рудольф заявился ко мне по распоряжению исполнительного комитета, значит, рапорт ляжет на стол начальства через несколько минут после того, как он оставит меня в покое. Сумей я разжалобить его, рапорт прозвучит мягче, компаньоны снисходительно умилятся. Какое-то время мне позволят дышать свободнее.

– Тебе следовало позвонить кому-нибудь, – по-прежнему холодно заметил Рудольф, однако лед в голосе начал таять.

– Оставь, пожалуйста. Меня держали взаперти, никаких телефонов. – Печальной фразой я сокрушил его строгость.

– Как ты сейчас себя чувствуешь? – после долгой паузы осведомился он.

– Прекрасно.

– Прекрасно?

– Психоаналитик заверил, что я в отличной форме.

– На сто процентов?

– На сто десять. Проблема исчерпана, Рудольф. Мне требовался маленький перерыв. Теперь я чувствую себя великолепно. Готов впрячься в работу.

Это было все, что босс хотел от меня услышать. По лицу его поползла улыбка.

– Работы накопилось выше крыши, – сказал он, расслабившись.

– Знаю. У меня чешутся руки.

К двери Рудольф бросился чуть ли не бегом – наверняка торопится к телефону, чтобы обрадовать компаньонов: один из самых стойких бойцов вернулся, слава тебе, Господи, в строй.

Заперев дверь на замок, я в течение мучительно долгого часа раскладывал на столе бумаги и записные книжки. Хотя ни одно дело пока не близилось к завершению, мне каким-то чудом удалось не вывалиться из графика.

Почувствовав, что силы на исходе, я распахнул розовые квадратики Долли по карманам и покинул кабинет. Бегство мое осталось незамеченным.

В просторном помещении аптеки на Массачусетс-авеню я с наслаждением занялся покупками. Сладости и игрушки для детей, мыло и туалетные принадлежности для всех, комплекты носочков и трусиков, огромная картонка памперсов. Никогда еще двести долларов не приносили мне столько радости.

Я бы с легкостью пошел на любые расходы, лишь бы устроить Онтарио и его родных в тепле. Пусть это будет хоть месяц в мотеле, не важно. Очень скоро им предстоит стать моими клиентами, а уж тогда я начну сыпать исками и судебными преследованиями до тех пор, пока не добьюсь признания за ними права иметь крышу над головой. Мне не терпелось вступить в хорошую тяжбу.

Оставляя «лексус» напротив церкви, я уже не боялся, как ночью, за машину, хотя кое-какие сомнения, правда, довольно слабые, бередили мою душу. Мне хватило сообразительности не вытаскивать покупки из багажника. Явление Санта-Клауса способно вызвать в храме настоящую бурю. Я намеревался забрать семейство, отвезти в недорогой мотель, убедиться, что они вымылись и избавились от вшей, наелись до отвала, проверить, не нуждаются ли в медицинской помощи, доехать при необходимости до магазина, купить обувь и теплые вещи и опять накормить всех. Мне было безразлично, сколько на это уйдет времени и денег.

Точно так же меня не волновала опасность предстать в глазах окружающих состоятельным белым чудачком, решившим искупить некий грешок.

Мисс Долли обрадовалась мне. Поздоровавшись, она указала на гору ожидавших чистки овощей. Но меня в первую очередь интересовали Онтарио, его мать и остальные малыши. Рядом с кухней их не было. Перешагивая через десятки тел, я обошел подвал. Семейства не оказалось ни в зале наверху, ни на балконе.

За чистой картошкой мы с Долли разговорились. Молодую мать с четырьмя детьми она помнила, однако, вернувшись сюда около девяти утра, ее не застала.

– Куда же она могла подеваться?

– Миленький, эти люди никогда не сидят на месте. Из одной кухни бредут в другую, из старого приюта в новый. Может, женщина услышала, что в Брайтвуде дают сыр или где-то – одеяла. Может, ей повезло и она устроилась мыть посуду в «Макдоналдсе», а детишек оставила у сестры. Кто знает? Но на месте они сидеть не будут, это точно.

Мне с трудом верилось, что мать Онтарио нашла работу, однако обсуждать сей вопрос с мисс Долли я не хотел.

Мордехай прибыл к обеду, когда очередь к кастрюлям только начала выстраиваться. Я углядел его первым, и как только наши глаза встретились, лицо Грина осветилось приветливой улыбкой.

Сандвичи готовил доброволец-новичок; мы с Мордехаем опускали черпаки в кастрюлю с супом и наполняли тарелки. Требовался определенный навык: плеснешь чуть больше бульона – и получишь неприязненный взгляд, положишь лишнюю толику овощей – и в кастрюле останется одна вода. Искусством раздатчика Мордехай овладел годы назад, а мне, дабы немного набить руку, неоднократно пришлось с виноватым видом опускать голову.

Для каждого подходившего у Грина было припасено доброе слово: привет, как дела, рад тебя увидеть. Кто-то отвечал ему улыбкой, кто-то предпочитал смотреть в тарелку.

К середине дня дверь начала отворяться чаще и чаще, очередь становилась длиннее и длиннее. Подходили новые добровольцы. Кухню заполнил негромкий и приятный гул голосов. Так переговариваются люди, которым труд приносит искреннюю радость. Среди входящих я пытался высмотреть Онтарио. Но мальчишка и не подозревал, что Санта-Клаус ждет именно его.

Когда очередь рассосалась, мы налили себе по тарелке супа. Поскольку столы были заняты, решили поесть на кухне, прислонившись к раковине.

– Помните, мы вчера меняли подгузник? – спросил я, прежде чем отправить ложку в рот.

– Еще бы!

– Что-то их сегодня не видно.

Несколько мгновений Грин сосредоточенно жевал хлеб.

– Утром, когда я уходил, они были здесь, – промолвил наконец.

– Это примерно во сколько?

– Около шести. Спали вон в том углу.

– Куда они могли пойти?

– Понятия не имею.

– Мальчишка сказал, они живут в машине.

– Вы говорили с ним?

– Да.

– И теперь хотите разыскать его, не так ли?

– Хочу.

– Не рассчитывайте.

После обеда выглянуло солнце, и в подвале началось брожение. Народ подходил к раздаточному столу, получал апельсин или яблоко и тянулся к выходу.

– Человек, потеряв дом, навсегда лишается покоя, – пояснил Мордехай. – Ему необходимо движение. У него есть свои ритуалы и традиции, излюбленные места, друзья на тротуарах, срочные дела. Он едет в свой парк или переулок, копается в сугробах.

– Сейчас минус пять, а ночью обещали до пятнадцати, – заметил я.

– К ночи все вернутся. Дождитесь темноты – здесь яблоку будет негде упасть. Не хотите проехаться?

Мы получили от мисс Долли благословение на краткую отлучку. Видавший виды «форд-таурис» Мордехай стоял вплотную к моей машине.

– Однажды вы его здесь не найдете, – кивнул Грин в сторону «лексуса». – Если у вас сохранится желание бывать в этой части города, рекомендую завести что-нибудь попроще.

Не помышляя расставаться со своим сказочным красавцем, я услышал в совете Грина едва ли не оскорбление.

Мы забрались в «таурис» и выехали со стоянки. На первых же десяти метрах я понял, что водитель из Мордехай никакой, и попробовал застегнуть ремень безопасности. Замок оказался сломанным, однако владелец машины, похоже, и не подозревал об этом.

«Таурис» катил по довольно чистым улицам северо-западного Вашингтона, оставляя позади десятки заколоченных досками домов, проулки, узкие настолько, что в них отказывались въезжать даже водители «скорой», школьные дворы, обнесенные оградами с колючей проволокой. Глубже и глубже мы проникали в кварталы, постоянно сотрясаемые взрывами насилия и ненависти. Грин был превосходным гидом. Вокруг лежал его мир: каждый

дом имел свою судьбу, каждый поворот таил свою историю. Мы проезжали мимо приютов и кухонь, где Мордехай знал по именам всех кухарок; мимо церквей, в которых службы отправляли знакомые ему священники. Церкви Грин авторитетно делил на плохие и хорошие. Первые держали двери на замке от бродяг, вторые распахивали настежь. В одном квартале Мордехай с гордостью показал здание своей юридической школы. Чтобы получить образование, он потратил пять лет, сидя по ночам над учебниками, а днем работая в двух местах сразу. В другом квартале притормозил у сгоревшего дома – бывшего пристанища торговцев крэком⁹, здесь погиб его третий сын, Кассиус.

Неподалеку от офиса Мордехай спросил, не буду ли я возражать, если мы заглянем внутрь: ему нужно проверить почту. Я согласился, ведь прогулка от этого не ухудшится.

В знакомом помещении было сумрачно, холодно и пусто. Мордехай щелкнул выключателем.

– Мы сидим втроем: я, София Мендоса и Абрахам Лебов. София – социальный работник, но знает законы улицы лучше, чем мы, вместе взятые. – Вслед за Грином я обогнул обшарпанные колченогие столы. – Не поверите, но раньше здесь работали семеро профессиональных юристов. Тогда мы еще получали от правительства какие-то деньги. Теперь же, по милости республиканцев, нам не перепадает ни цента. Три кабинета расположены за той стеной, три – по нашу сторону. – Он энергично взмахнул руками. – Сколько места пропадает зря!

Действительно пропадало (если исходить из отсутствия персонала), но уж никак не зря, поскольку шагу было нельзя ступить без того, чтобы не наткнуться на картонную коробку с запывлившимися папками или стопку потрепанных юридических справочников.

⁹ Кристаллический кокаин, предназначен для курения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.